

Искорка 4

1975

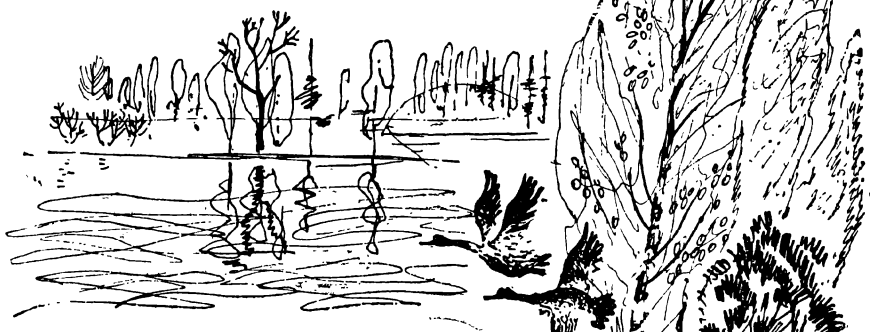

газеты
«Ленинские
искорки»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

АПРЕЛЬ ● 1975

год издания XIX

В. КРУТЕЦКИЙ

Светлый день

Этот день
Нам кажется теплее
И светлее самых светлых дней,
Хоть и снег ещё в лесах таится
И струится холодок с полей.
И ещё в озёрах синих льдины
Кружат в нашем северном краю,
И, с чужбины возвратясь, пичуги
Не поют ещё,
▲ гнёзда вьют.
И глядят нахохлившись порою
В зябкие, седые облака.
И в траве пожухлой,
прошлогодней
Лишь подснежник светится пока.
Всё равно
Нам кажется невольно,
Что земля с рассветом расцвела.
Потому что этим днём Россия
Любям мира
Ленина
Дала.

Рис. Януса

Владимир Ильич Ленин в январе 1905 года находился в Швейцарии. Преследуемый царскими властями, он вынужден был покинуть Родину и стать политическим эмигрантом. Вместе с Надеждой Константиновной Крупской Ильич поселился в Женеве. Уже 10 января, на следующий день после Кровавого воскресенья узнал он о событиях в Санкт-Петербурге, и был очень взволнован. В России быстро начали развиваться революционные события. Рабочий класс на расстрел 9-го января ответил стачками. Они происходили в разных городах. В июне произошло восстание на знаменитом броненосце «Потёмкин»... Но стачки были лишь началом в борьбе с самодержавием. Назревало восстание.

Далеко находился Ильич от России. Рвался он туда всеми силами, но попасть на Родину для него в те летние месяцы было невозможно. На границе Ленин был бы моментально схвачен царскими стражниками. Жадно ловил он каждую весточку, поступавшую из России. Из Женевы Ильич руководил большевиками в России. Вооружить народ — таково было одно из важнейших указаний Ильича. И вот при Центральном Комитете большевистской партии создается боевая техническая группа. Она-то и должна была добывать оружие для рабочих. Нелёгкая была у неё работа.

РЕВОЛЮЦИИ

В России можно было купить одну винтовку, десяток, даже сотню винтовок... Но ведь это капля в море по сравнению с тем, что требовалось для борьбы с царизмом. Приходилось покупать оружие за границей и тайно переправлять в Россию.

Кроме того, боевая техническая группа на глухих улочках открыла несколько мастерских. На одной висела вывеска, извещавшая, что здесь изготавливаются детские игрушки — оловянные солдатики, пожарные машины, паровозики. На другой сообщалось, что мастерская производит ремонт самоваров и других домашних предметов... Но в этих же мастерских изготавливались бомбы, а детские игрушки и ремонт самоваров производился для отвода глаз.

Руководителем боевой технической группы был старый революционер Леонид Борисович Красин. На этот пост его поставила партия по предложению Ленина. Красин был замечательным инженером-электриком. В то время в Петербурге перестраивалась кабельная электрическая сеть... Директором кабельной сети и был Красин. Тысячи инженеров, техников, монтажников, рабочих других специальностей, трудившихся под руководством одного из самых известных инженеров в Петер-

НА ВСТРЕЧУ

Рисунки Ю. Шабанова

бурге и подумать не могли, что он — революционер-подпольщик и возглавляет боевую техническую группу большевиков.

Владимир Ильич очень интересовался работой этой группы, членами которой были люди смелые, решительные, энергичные. Ленин и сам помогал им приобретать оружие за границей. Он попросил, чтобы кто-нибудь из группы приехал к нему в Женеву. Послать в Швейцарию решили Николая Евгеньевича Буренина.

В свое время мне посчастливилось познакомиться с Николаем Евгеньевичем, который подробно рассказал о встречах с Ильичём. В то время Буренин работал над книгой воспоминаний. Он дал мне прочитать несколько глав. Вот, что он рассказывал о первой встрече с Лениным:

«Я ехал в Женеву, взволнованный предстоящим свиданием, думая о том, как примет меня Ильич. Почему-то казалось, что попасть к нему будет очень трудно. Ведь я совершенно не знал, в каких условиях жили и работали наши товарищи в эмиграции. Вопреки моим ожиданиям, я быстро и без труда попал к Владимиру Ильичу. Он жил в маленьком, типично швейцарском домике на одной из окраин Женевы. Я постучал,

Дверь открыла приветливая, скромная женщина... Это была Надежда Константиновна Крупская. Я ее сразу узнал, так как встречался с ней в Петербурге.

...Я представился, назвал свою партийную кличку «Герман Фёдорович».

— Владимир Ильич давно вас ждёт и очень беспокоится, что вы так задержались сприездом, — сказала Надежда Константиновна. — Пройдёте к нему, он работает на веранде.

Вместе с Надеждой Константиновной мы вышли на веранду, пристроенную к домику. Стены ее, так же как и потолок, были увиты виноградом. Сквозь листья пробивались солнечные лучи, ярко освещавшие работавшего за столом Ильича. Перед ним лежали кипы газет, книги на русском и на иностранных языках. Я бросил мельком взгляд на газеты, лежащие перед Ильичём. Тут были номера, полученные из России. На страницах видны были места, подчеркнутые красным карандашом... Жил Ильич в Женеве, но мыслями и чувствами находился во взбудораженной революцией России...

...Ильич очень тепло встретил меня, забросал вопросами...

— Рассказывайте, какие привезли новости. Слышал про вас. Работаете хорошо. Как это вам удалось организовать транспорт в таком большом масштабе? Смотрите

не увлекайтесь! Провалить такое дело нельзя...

...Особенно подбадривал меня весёлый смех, которым Владимир Ильич встречал мои рассказы о том, как нам удавалось надувать таможенных чиновников, пограничную стражу, шпигов и полицию. Никто не мог смеяться так заразительно, как Ильич...

Владимир Ильич подробно расспрашивал меня о том, что делается в Питере, на Украине, в Сибири, на Урале, на Кавказе. Но вряд ли я сообщил ему что-либо новое. Находясь вдали от России, он знал обо всём гораздо больше, чем я, и мне оставалось

только удивляться его осведомлённости...»

Выполнив все намеченные дела, получив указания Ленина для дальнейшей работы боевой технической группы, Буренин отправился обратно в Россию. Не думал тогда Николай Евгеньевич, что пройдёт всего лишь несколько месяцев и он снова получит особо важное поручение. И что опять это будет встреча с Владимиром Ильичём, но уже не в Швейцарии, а в месте, совсем не похожем на маленький женевский домик.

Революция разрасталась. Со всех концов страны приходили известия о волнениях на пред-

приятнях, о революционных вспышках в деревнях и сёлах, о столкновениях с жандармами. Повсему чувствовалось, что надвигаются еще более грозные события.

И вот Ильич принимает решение ехать в Петербург.

Возвращаться открыто — опасно. Царское правительство хорошо знает, какую угрозу для него представляет вождь большевиков. Значит надо принять меры, чтобы проникнуть в Россию незамеченным. Питерские большевики организовали этот переезд. Обеспечить безопасность Ильича во время этого переезда поручили уже знакомому нам Николаю Евгеньевичу Буренину.

Владимир Ильич прибыл в шведскую столицу — Стокгольм. Из Швеции путь его лежал в Финляндию, а уже отсюда надо было пробираться в Петербург. Финляндия входила тогда в состав Российской империи. Железной дорогой или морем, как бы ни поехал Ленин, — придется встретиться с пограничной стражей и таможенными чиновниками. Надо дать Ленину опытного сопровождающего. Буренин обращается за содействием к финским революционерам. По поручению Николая Евгеньевича в Стокгольм навстречу Ильичу поехал студент Ула Кастрен. Буренин вспоминал:

«Ула Кастрен и сам точно не знал, кого он сопровождает. Мы сказали ему, что он должен встретить и сопровождать одного из видных участников

русского революционного движения».

Студент Гельсингфорского университета Ула Кастрен сумел в точности выполнить поручение. Из Финляндии, уже поездом, Ленин должен был приехать в Петербург.

Восьмого ноября на перроне вокзала появился богато одетый господин. Жандармы и шпики к таким шикарным господам приглядываются меньше, чем к людям попроще. Этим человеком и был Николай Евгеньевич Буренин. По поручению партии он должен был встретить Ильича один...

Пройдёт одиннадцать с половиной лет и на этом же Финляндском вокзале и площади около него десятки тысяч трудящихся красного Питера со знамёнами, с оркестрами, при свете прожекторов будут встречать возвратившегося из эмиграции вождя большевистской партии Владимира Ильича Ленина. Но в тот памятный день, 8 ноября 1905 года, только один Буренин встречал Ильича. Буренин был выбран для этого не случайно. Ленин уже знал его в лицо. В свою очередь его знал и Николай Евгеньевич.

Подошел поезд. Ильич вышел из вагона. Наняли извозчика.

— На Рузовскую, три, — указал улицу и дом Буренин, где он жил.

Если за ними и наблюдали, то надо было всячески запутать слежку. И везти Ленина надо было не к друзьям-единомышленникам, за квартирами

которых также следили полицейские сыщики, а совсем в другое место, где нельзя было бы и подумать, что там находится пристанище революционеров. Потому и везёт Буренин Ильича с Рузовской — на Можайскую, к дому № 8. Здесь в квартире № 14 живёт Вера Евгеньевна Иванова, родная сестра Буренина.

Действительно, в этой квартире и не пахло революцией. Наоборот, муж Ивановой, гвардейский офицер, был преданным служакой русского царя. Если бы этот человек только узнал, кого везёт Буренин на его квартиру...

«—Сестра моя... в детстве питала ко мне большую привязанность и всегда готова была оказать мне любую помощь, — вспоминал Николай Евгеньевич. — Нередко она прятала и нелегальную литературу. Её муж, гвардейский капитан, убежденный монархист, не имел, конечно, об этом ни малейшего понятия. Неоднократно я мог убедиться в том, что сестра заслуживает полного доверия. В то же время её квартира была очень удобна, так как не вызывала у полиции никакого подозрения.

Зная, что сегодня приедет Владимир Ильич, я предупредил сестру, что зайду к ней с одним человеком, с которым должен иметь деловую беседу...»

Извозчик подъехал к указанному дому. О том, что именно сюда, в квартиру № 14, заедет Ленин, знало лишь не-

сколько партийцев. Они, соблюдая конспирацию, вскоре поодиночке пришли туда. Ленин засыпал пришедших множеством вопросов, желая точно выяснить обстановку как в Петербурге, так и в других городах России. Но оставаться долго в этой квартире было нельзя. Кто его знает, когда вернётся домой её хозяин. Поэтому, проведя несколько часов в доме на Можайской, участники встречи поочередно разошлись. Владимир Ильич временно поселился на квартире члена Центрального Комитета большевиков П. П. Румянцева, жившего на 10-й Рождественской (ныне 10-й Советской) улице, в доме № 1/41.

Итак — свершилась мечта! Ленин в Петербурге! Он рад, он взволнован, что снова прибыл в столь дорогой его сердцу город, где прошли годы его революционной юности. Но радости — радостями, а приехал он в Питер, чтобы немедленно включиться в борьбу. Немедленно! И вечером, уже в первый день, Владимир Ильич выступил с речью на расширенном заседании Петербургского комитета большевиков. Здесь Ильич разъясняет и ставит задачи, какие безотлагательно должна решать партия.

На следующий день Ленин направляется в дом на углу Невского проспекта и набережной Фонтанки, у самого Аничкова моста. Значится теперь это здание под номером 48/60. В прошлом веке его называли «Литературным домом», и неспроста. Мраморная

памятная доска, укреплённая на фасаде со стороны Невского, напоминает нам, что здесь жил знаменитый русский критик, великий революционный демократ Виссарион Белинский. И не только ему служил приютом этот старый дом. В разное время здесь проживали писатели И. Тургенев, И. Панаев, критик Д. Писарев, украинская писательница М. Марко-Вовчок. Тут же с матерью снимала квартиру знаменитая актриса Варвара Асенкова, выступавшая на сцене находящегося неподалёку Александринского театра (ныне театр имени А. С. Пушкина). А какие выдающиеся русские люди приходили сюда,

главным образом, к Белинскому — писатели Гончаров, Достоевский, Григорович...

Но зачем же направился сюда 9 ноября 1905 года Владимир Ильич? В бывшем «Литературном доме» помещалась редакция газеты «Новая жизнь». Это была большевистская газета, и именно сюда пришёл Ленин.

Как же так, — удивитесь вы, — разве в царской столице могла открыто издаваться революционная большевистская газета?! Дело в том, что царское правительство, напуганное растущими революционными волнениями, чтобы успокоить народ, решило принять некоторые меры. В середине

октября царь издал манифест, в котором даровал некоторые «свободы», в том числе «свободу» печати. Тогда при денежной поддержке Максима Горького и началось издание газеты «Новая жизнь».

Ленин собрал в редакции сотрудников - большевиков, разъяснил им, что надо сделать, чтобы газета превратилась по-настоящему в боевую. Фактически редактировал «Новую жизнь» Ленин.

Недолго просуществовала «Новая жизнь». Свобода печати, которую царь провозгласил в своем манифесте, была сплошным обманом. Всего лишь двадцать восемь номеров газеты были подготовлены к печати, но не все они вышли в свет. Как только Ленин стал редактировать газету, царские цензоры с особой придирчивостью стали относиться к «Новой жизни». Не раз газету арестовывали, а тираж уничтожали. Не раз штрафовали редакцию за статьи против царя и его министров. Полиция отбирала у газетчиков и в киосках даже те номера газеты, которые были разрешены цензурой.

Но большевики не сдавались. Ленин был не только редактором газеты. Он выступал на рабочих собраниях и митингах, руководил большевистской организацией, направлял её работу, проводил заседания ЦК партии...

Жандармы прохлопали приезд Ильича в Петербург. Пять дней Ленин уже находился в Питере, а только 13 ноября

был разослан циркуляр начальникам жандармерии и пограничным пунктам — тщательно наблюдать за появлением в России Ленина и других эмигрантов. А 27 ноября в Петербург приехал Горький. И прямо с вокзала вместе с актрисой Марией Фёдоровной Андреевой направился в редакцию «Новой жизни». В этом дорогом для нас доме у Аничкова моста и произошла первая встреча двух великих сынов России. До этого Владимир Ильич и Максим Горький были знакомы лишь заочно. Андреева позднее вспоминала:

«Помню, как Ленин вышел к нам навстречу из каких-то задних комнат и быстро подошёл к Алексею Максимовичу. Они долго жали друг другу руки. Ленин радостно смеялся, а Горький, сильно смущаясь и, как всегда при этом, стараясь говорить особенно солидно, басистым голосом, всё повторял подряд:

— Ага, так вот вы какой... Хорошо, хорошо! Я очень рад, очень рад!

Горький был взволнован этой встречей. Уйдя из редакции, спустя несколько часов, он вдруг сказал Марии Фёдоровне:

— Д-да! Видишь, в какие мы с тобой дела попали... Правда — очень хорош?

Конечно, я сразу догадалась, о ком он говорит...

— Ты это о ком?

— Как о ком? Ну, конечно, о Ленине! Как хорош!..»

Через шесть дней после этого царское правительство показало, чего стоит «свобода печати», провозглашённая в октябрьском манифесте. Видя, что ни штрафами, ни арестами не запугать «Новую жизнь», оно закрыло газету. Последним легальным был номер газеты от 2 декабря 1905 года, и её тираж был полностью арестован жандармами. Нет, всё же не полностью...

«Новую жизнь» печатали в типографии под названием «Народная польза», находившейся на Коломенской улице, в доме № 39. Поздно вечером 2 декабря сюда пришёл Ильич. И точно предчувствуя, что за материалы, напечатанные в

этом номере, газету закроют, Ленин не уходил из типографии. Он оставался здесь и далеко за полночь. Ждал пока загудят печатные машины. И вот, наконец, принесли ему пачку свежих номеров. Спрятав их под пальто, Ильич ушёл из типографии. А немного погодя нагрянула полиция и не дала вывезти отсюда ни единого экземпляра.

Газету закрыли, но разве этим можно было прекратить борьбу за свободу и счастье трудового народа. Ленин оставался в России. Удалось наладить выпуск большевистских газет под другими названиями. Революционная борьба продолжалась...

Николай МАЗНЯК

Песенка дрозда

*Рассвет сорвал на небосклоне
Подснежники далёких звёзд.
А в роще, в светлом
перезвоне,*

*Поёт знакомый
Чёрный дрозд.
Рассвет опять
И юн,
И розов.
Весна ступила на порог.
Спасибо, дрозд,
Что от морозов
Ты эту песенку
Сберёг!*

Рис. Ю. Бочкарёва

Здравствуй, солнце!

Сергей СКАЧЕНКОВ

Позади зимы ненастья.
Позабыть пора про них.
Здравствуй, солнце!
Здравствуй, мастер
Дел весёлых, золотых!

АПРЕЛЬ

Утра розовая дымка,
В каждой луже — зимний

сон.

Но подтаивает льдинка,
И капли слышен звон.
С крыши свесились сосульки.
И поют весне они,
Что ручей уже забулькал
И длиннее стали дни.

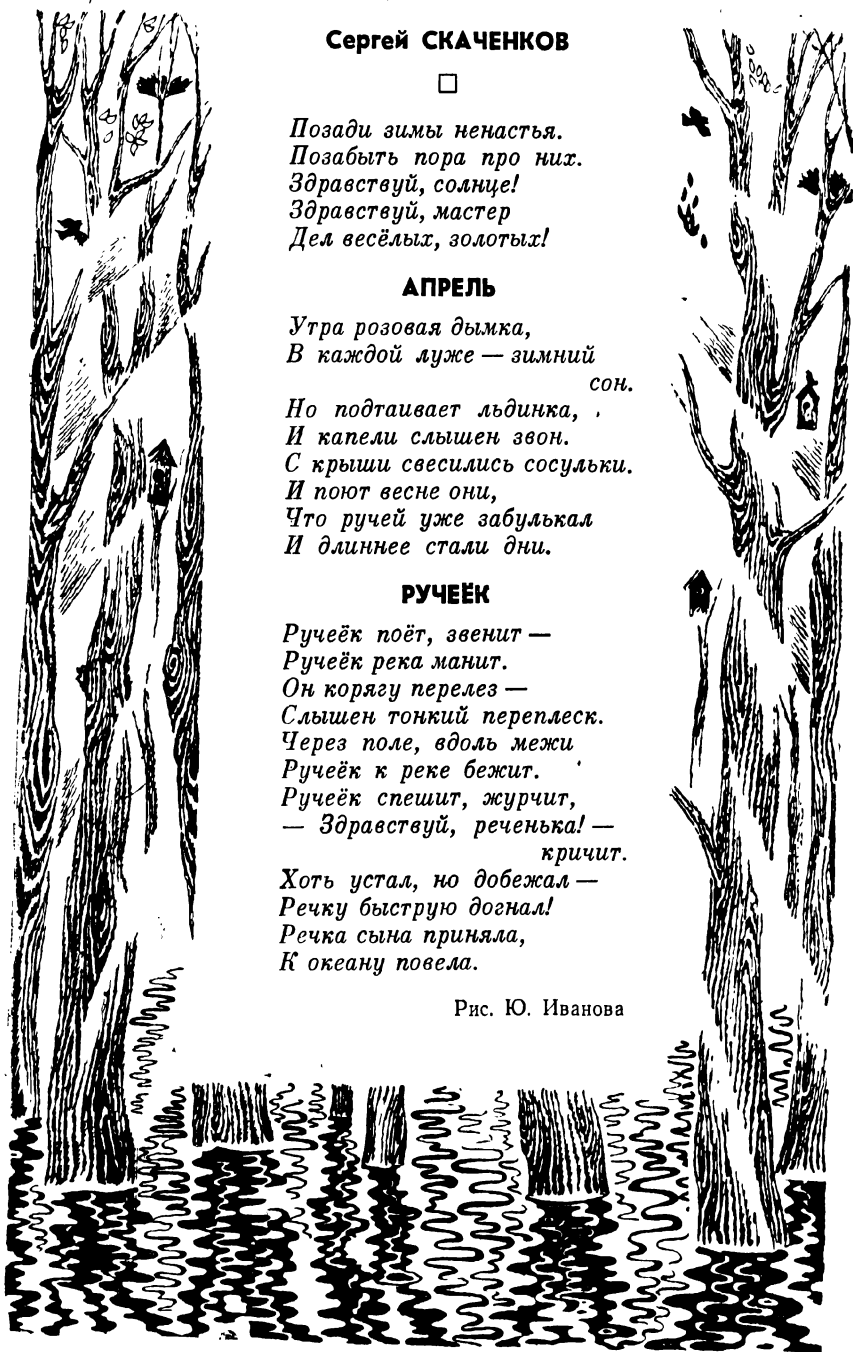
РУЧЕЁК

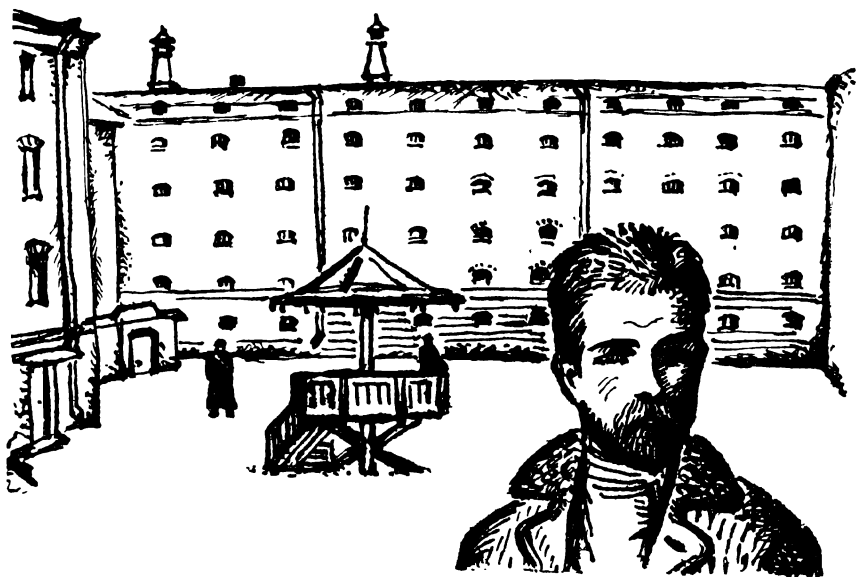
Ручеёк поёт, звенит —
Ручеёк река манит.
Он корягу перелез —
Слышен тонкий переплеск.
Через поле, вдоль межи
Ручеёк к реке бежит.
Ручеёк спешит, журчит,
— Здравствуй, реченька! —

кричит.

Хоть устал, но добежал —
Речку быструю догнал!
Речка сына приняла,
К океану повела.

Рис. Ю. Иванова

ПЕРВЫЕ ДНИ СВОБОДЫ

Шелгунова выпустили часов в одиннадцать утра.

Он прошёл по Шпалерной, свернул на Литейный и вышел к Неве. Здесь, возле моста, остановился.

Зимний денёк был радостный, яркий и звонкий. Такие в Питере не часто. Солнечные брызги суматошно прыгали по снегу, и он весело вспыхивал оранжевыми, голубыми и синими искрами.

Шелгунов глядел на красавицу Неву, и на душе у него было радостно и легко. После тесной тюремной одиночки всё на воле бодрило и казалось необычайно ярким, праздничным.

Вот мимо пронёсся рысак с маленькими саночками. Рослый конь картинно выбрасывал ноги, словно сам любовался своей грацией и силой. А в саночках, прикрытый тёплой медвежьей полостью, полулежал тучный пожилой барин в шубе и высокой фуражке с кокардой.

А вот мимо прошла молодая женщина, ведя за руки двух совсем маленьких девочек. Девочки были удивительно похожи друг на друга. Обе кругленькие, румяные, с пухлыми губками. И одеты совершенно одинаково: тёмно-вишнёвые пальтишки и такие же шапочки.

Шелгунов медленно пошёл по набережной. Слева тянулась ажурная решётка Летнего сада. А вдали, за заснеженной рекой, сверкал золотой шпиль Петропавловской крепости.

Шагая по набережной, Шелгунов подумал: «Сколько же я отсидел?»

В тюремной одиночке дни тянутся так утомительно, так уныло и однообразно. Арестант обычно уже через два-три месяца сбивается со счёта. Но сегодня в тюремной канцелярии, подписывая казённую бумагу, где ему, Шелгунову Василию Андреевичу, предписывалось

явиться через три дня для отправки в ссылку, Шелгунов посмотрел на число. Внизу стояло: «1897 года, февраля 13-го дня».

И сейчас, идя по набережной, Шелгунов снова не торопясь проверил. Да, получалось четырнадцать месяцев. Точнее — четырнадцать месяцев и шесть дней.

«Многовато, — покачал головой Шелгунов. — Затянулось следствие-то».

И действительно, следствие по их делу, делу «Союза борьбы»*, длилось невероятно долго — более четырнадцати месяцев.

И опять — уже в который раз! — вспыхнула перед Шелгуновым та памятная ночь, четырнадцать месяцев назад...

В ту декабрьскую ночь столичная охранка нанесла по «Союзу борьбы» тщательно подготовленный и чётко спланированный удар. В одну ночь в разных районах города жандармы схватили чуть не всех руководителей «Союза борьбы».

«Да, — шагая по набережной, снова подтвердил сам себе Шелгунов. — Удар врага был неплох. Надо честно признать — неплох...»

Сам Шелгунов в ту ночь был на заводе. В свободную минуту вздремнул прямо в цеху. В углу, на куче тряпья.

Вдруг чья-то рука властно потрясла его за плечо.

Он приоткрыл глаза. Увидел голубой мундир... Вскочил...

— Тиха! — сказал жандарм. — Собирайсь!

И снова повторил:

— Тиха!

У заводских ворот уже ждала тюремная карета: чёрный, глухой ящик на колёсах.

* «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — революционная организация, созданная Лениным в Петербурге. В «Союзе борьбы» объединилось более двадцати рабочих кружков. «Союз» сразу развил кипучую деятельность: выпускал листовки, организовывал стачки и т. д.

И с той ночи — в тюрьме. Четырнадцать месяцев.

И лишь сейчас, на днях, наконец-то объявили «высочайшее повеление»: «Три года ссылки под гласный надзор полиции». И Ульянову, и Старкову, и Кржижановскому, и Бабушкину, и ему, Шелгунову, и многим другим. Всем — три года ссылки. Но в разные места: одним — в Сибирь, другим — в Уфу, третьим — в Екатеринослав. А ему, Шелгунову, — в Архангельскую губернию.

«В Архангельскую так в Архангельскую», — подумал Шелгунов. Ему вообще-то было всё равно, куда ехать. Одно только интересовало его: «А Ульянова куда сослали? Хорошо бы вместе...»

На набережной он пробыл недолго. Хотя и хорош денёк, и дышится тут легко, но Шелгунов ни на минуту не забывал, что на сборы ему дано три дня. Всего три дня. А дел много.

Главное — разыскать Ульянова. Потолковать с ним. Ведь расстанутся на года. Потом — надо побывать у старого друга, Василия Яковлева, и ещё у многих товарищей.

Ну, а кроме того, есть ещё одно неотложное дело: глаза. В «предварилке» глаза у Шелгунова совсем разболелись. Иногда неожиданно, вдруг словно с маху косою ударили по ним. Ослепительная вспышка... Резкая боль. И темнота. Полная темнота.

Тогда он ложился и ждал. Тупая боль охватывала лоб и затылок. Она забиралась всё глубже, стягивала голову ту же и ту же. Шелгунов ждал, закрыв глаза. Проходило полчаса, час... Шелгунов открывал глаза. Нет, всё равно темно. Как в погребе. Он опять смыкал веки. И ждал. Так длилось иногда три часа, иногда — пять, а иногда — и целые сутки.

Потом боль постепенно затухала, зрение восстанавливалось.

После одного из таких приступов Шелгунов попросился к тю-

ремному врачу. Но специалиста-глазника в тюрьме не оказалось. Шелгунова осмотрел дежурный фельдшер.

— Я не окулист,— честно признался он.— Но ничего существенного не нахожу. Если настаиваете, доложу начальнику лазарета. Пусть затребует специалиста. Однако...— он испытующе поглядел на Шелгунова, побарабанил пальцами по столу.— Учтите: насчёт симуляции у нас строго...

Шелгунов не симулировал. Но после такого предупреждения у него отпала охота требовать глазника.

«Выйду на волю — там полегче»,— решил он.

И вот сейчас надо было показаться окулисту. Непременно. Узнать: в чём причина этих страшных приступов? И как с ними бороться?..

...Встретиться с Ульяновым удалось на другой вечер. Просто повезло. Шелгунов зашел к Старкову. Случайно там оказался и Владимир Ильич.

Они обнялись. Потом Ильич отступил на шаг, словно хотел издали оглядеть Шелгунова всего, целиком.

— А ничего,— сказал Владимир Ильич,— молодцом. Как сиделось-то?

Шелгунов усмехнулся:

— Терпимо. Но снова в «предварилку», по правде говоря, не тянет.

Ильич улыбнулся.

— И меня, как ни странно,— тоже...

— Одно плохо,— сказал Шелгунов,— глаза...

Он коротко рассказал Ильичу о приступах.

Тот сразу помрачнел.

— Да... Это дело серьезное. Очень,— повторил он.— Непременно надо показаться окулисту. И обязательно хорошему. Понимаете? Самому лучшему. Тут важно сразу поставить точный диагноз. И наметить курс лечения.

Он торопливо сделал несколько шагов к окну и обратно.

— Если мне память не изменяет, у нас в городе лучший окулист — профессор Чистович. Проверьте. Но, кажется, так. Да, именно так. Вот завтра же непременно покажитесь Чистовичу. Поняли?

Шелгунов кивнул.

— А деньги? — спросил Ильич.— Деньги есть?

И испытующе поглядел на Шелгунова.

Тот снова кивнул.

Ильич смотрел на него с недоверием.

— В самом деле есть?

— Ну, что вы, Владимир Ильич! — запротестовал Шелгунов.— Прямо допрос устроили. А я уж, грешный, надеялся, допросы кончились.

Ленин засмеялся.

А денег у Шелгунова не было. Но не брать же у Ильича! Тому самому послезавтра уезжать на три года в Сибирь. А небось и у него в кошельке не густо.

Они ещё поговорили. Ильич просил Шелгунова повидать всех товарищей, кого успеет. Договориться о связях. Да, сейчас это главное: связи не должны лопнуть.

...Уже ночью приехал Шелгунов к Василию Яковлеву, старому другу, у которого он жил и до ареста.

И опять — объятия, расспросы, разговоры...

— У тебя деньги есть? — уже перед сном спросил Шелгунов.

— Есть. Правда, не шибко много.

— Одолжи. Рублей пять. Но учти: верну не скоро.

— Ладно уж. Сочтёмся.

Яковлев ушел в другую комнату и вскоре принёс Шелгунову золотую монету.

Шелгунов с любопытством вертел её в пальцах. Как-то так получилось, что прежде Шелгунов ни разу не держал в руке золотых монет. Всё медяки, да серебро, да бумажки.

Монетка была совсем маленькая, тусклая. А поди ж ты — пять рублей!

Шелгунов покачал головой. Пять рублей — большие деньги. Сам Шелгунов, слесарь, получал иногда восемнадцать, иногда — двадцать рублей в месяц.

На утро Шелгунов, едва проснувшись, подумал: «А как же разыскать этого Чистовича?»

Не так-то просто. Да и Чистович ли фамилия того знаменитого профессора? Может быть, Ульянов ошибается? А отыскать надо быстро, сегодня же. И нынче же попасть к нему на приём.

Шелгунов встал, оделся и вышел на улицу. Сел на конку. Старенький вагончик двигался медленно. До центра города он тащился чуть не час.

Наконец, Шелгунов слез с конки. Пошёл по Невскому. Шёл и оглядывал обе стороны улицы. Он помнил: где-то здесь была аптека. Большая, со сверкающими шарами у входа.

Ага! Вот она! Шелгунов быстро пересёк улицу и поднялся в аптеку.

— Извините, — обратился он к пожилому фармацевту, сидящему возле стойки с лекарствами. — Не слышали ли вы о господине Чистовиче? Профессоре по глазным болезням?..

Фармацевт удивлённо снял очки, поглядел на Шелгунова, снова надел очки.

— Что значит «не слышали ли»? Слышал. Это известный окулист. Но лично с господином Чистовичем я не имею чести быть знакомым.

— Большое спасибо, — сказал Шелгунов. — А не знаете ли вы, где изволит проживать господин профессор?

— Нет.

Шелгунов ещё раз поблагодарил и ушёл. Теперь искать было всё-таки легче. Значит, Чистович существует. Это не легенда.

Шелгунов зашел в кафе. Спокойно прошагал мимо солидного швей-

цара, с подозрением глядящего на него. Для рабочих были трактиры, кабаки, а в такие вот нарядные, дорогие кафе ходила совсем иная публика.

Но Шелгунов был одет чисто и не пьян. Швейцар не остановил его.

Шелгунов взял со столика телефонную книгу. Так... Числов... Числяков... Чистов... Ага, Чистович!.. К счастью в книге было всего два Чистовича.

Шелгунов снял трубку.

— Барышня, соедините, пожалуйста, — сказал он и назвал первый номер.

— Профессора Чистовича можно? — спросил Шелгунов.

— Кого? — удивились там. — Какого профессора?

Шелгунов повесил трубку. Соединился с другим номером.

— Профессор в клинике, — ответил молоденький женский голос. — И вообще, сегодня он не принимает.

«Вот те раз», — подумал Шелгунов.

— А когда профессор будет дома? — спросил он.

— В три часа. Но, повторяю, приёма нынче нет.

Было уже за полдень. Адрес профессора Шелгунов выписал из телефонной книги. Он решил: «Будь что будет — в три пойду к профессору».

Ровно в три он поднялся по лестнице к профессорской квартире. На обитой кожей двери серебри-

лась квадратная пластинка. На ней было выгравировано: «Профессор Виктор Константинович Чистович».

«Значит, Виктор Константинович? Запомним», — отметил Шелгунов. Дёрнул ручку звонка. Дверь открыла миловидная девушка.

«Наверно, та самая, с которой я говорил по телефону», — подумал Шелгунов.

— Виктор Константинович дома? — спросил он.

Горничная помедлила с ответом. Быстро оглядела Шелгунова, его простой дешёвый костюм.

— Да, дома, — наконец сказала она. — Как доложить? Он вас ждёт?

— Нет, не ждёт. Скажите, Шелгунов Василий Андреевич.

— Больной? — спросила горничная. — Извините, но сегодня профессор не принимает.

Она уже хотела захлопнуть дверь.

— Одну минутку, — Шелгунов придержал дверь рукой. — Мне крайне необходимо видеть господина профессора. Поверьте, крайне необходимо. Именно сегодня.

Очевидно, в голосе Шелгунова действительно чувствовалась эта крайняя нужда. Девушка чуточку помедлила.

— Входите, — наконец пригласила она. — Я доложу. Но, повторяю, профессор нынче не принимает.

Шелгунов кивнул. Прошёл за девушкой в приёмную. Сел.

Через несколько минут в комнату вошёл высокий крепкий старик. Он был в суконной домашней куртке с поперечными витыми шнурами на груди. Вид у него был сердитый.

— Извините, господин...

— Шелгунов.

— Извините, господин Шелгунов. Но вам же сообщили: сегодня я занят. Приходите завтра или послезавтра...

— В том-то и беда, — сказал Шелгунов. — К сожалению, ни завтра, ни послезавтра не могу. Отбываю в дальние края.

— Так задержитесь на день.

Шелгунов покачал головой. С грустной усмешкой добавил:

— Высочайшее повеление...

Неизвестно, понял ли старик профессор подлинный смысл этих слов. Но он нахмурился и словно другими глазами оглядел настойчивого посетителя. Взгляд был острый — и удивлённый, и настрожённый сразу.

— Ну, хорошо, — сказал он.

Повернулся и пошёл. Шелгунов двинулся за ним.

В кабинете профессор указал Шелгунову на стул, сам тоже сел.

— Ну-с. Излагайте. Что случилось?

Шелгунов стал рассказывать. Всё. И про тюрьму. И про внезапные приступы слепоты.

Профессор слушал, не перебивая, и лишь легонько постукивал себя сухоньким кулачком по колену.

— А в камере крысы водятся? — вдруг спросил он.

— Крысы? — Шелгунов удивился. — Есть, конечно. С одной я даже подружился. И прозвал её Франтихой. Она каждое утро на рассвете навещала меня. И всегда лапками долго мыла мордочку. Как кошка. И словно бы прихорашивалась...

— Франтиха, значит? — профессор кивнул. — Ну-с. Придвиньтесь поближе, молодой человек.

Он взял зеркальце и направил острый лучик света прямо в глаз Шелгунова.

— Смотрите вверх... Вниз... Так... Теперь направо... Налево, — командовал профессор, а сам своей лупой и зеркальцем как бы проникал в самую глубину глаза, внутрь его. Потом то же самое он проделал с другим глазом.

— Так... — сказал профессор.

Велел Шелгунову лечь на кожаную кушетку, закапал ему какие-то капли в глаза. Потом велел ему открыть глаза и, придерживая веко, чтобы оно не опустилось, поставил Шелгунову прямо на глаз,

на роговицу, маленький грузик-гирьку.

— Ну как? — спросил профессор.

Шелгунов пожал плечами.

Профессор снял гирьку с правого глаза, поставил другую, побольше. Она давила уже ощутимо, ве-сомо. Потом то же самое он проделал с левым глазом.

Затем взял какую-то металлическую дугу, полукруг, велел Шелгунову смотреть в центр её, а сам водил палочкой по краям.

— Видите? А теперь? А вот так?

Он передвигал палочку то ближе к центру, то дальше от него. Вре-мя шло. Профессор проделывал над Шелгуновым какие-то непонятные процедуры. И молчал.

«Ну же! Скажи что-нибудь! — мысленно подталкивал его Шелгунов. — Скажи: „Это не опасно“. Или: „Не беда — пройдёт“».

Но профессор молчал.

Наконец он отошёл от Шелгунова, сел за стол и неторопливо стал набивать табаком трубку.

— Видите ли, — сказал, профессор. — Я так понимаю: вы — человек волевой. И в кошки-мышки с вами играть не следует.

Шелгунов замер. Сердце громко стукнуло и остановилось.

— Эти приступы... К сожалению, мы, нынешние врачи, бороться с ними почти не умеем. Да, можно сказать, — бессильны. Я, конечно, пропишу вам лекарства, но... — он сердито заёбел трубкой. — Не хочу, чтобы вы заблуждались. Приступы будут повторяться. Чаше. И сильнее...

— Так... — перебил Шелгунов. — Значит, впереди — полный мрак? Слепота?

Профессор выпустил облако дыма.

— Ну зачем так категорически?! Слепота! Отнюдь не обязательно. Но одно несомненно: вам совершенно противопоказаны всякие волнения и тревоги. Вам необходим покой, режим, тихий, размеренный образ жизни. Только

это,— профессор пристально глянул на Шелгунова, как бы подчёркивая важность своих слов.— Только покой и режим, плюс, конечно, лекарства могут вас спасти. Вы поняли?

Шелгунов молча кивнул.

Профессор выписывал рецепты, а Шелгунов сидел, опустив голову. Какая-то пустота вдруг образовалась в нём. Всё вдруг стало безразлично. Всё — ни к чему. А впереди — бездонная пропасть, обрыв.

Профессор передал ему рецепты.

— Спасибо! — сказал Шелгунов.

Он встал. Хоть и тяжело, а надо идти. Всё. Больше говорить не о чем. Конец.

Он уже шагнул к двери, как вдруг вспомнил — золотая монетка. Момент был щекотливый. Шелгунов никогда не обращался к профессорам. И не знал, как им платят. Может, полагается незаметно оставить монетку на столе? Или

вложить ее в конверт? И конверт оставить где-нибудь на видном месте? А впрочем... Всё это ерунда.

Шелгунов вынул золотую монетку из кармана и протянул ее профессору.

— Благодарю вас, Виктор Константинович.

— Нет,— резко сказал профессор и властно отодвинул руку Шелгунова.— С неимущих я гонорара не беру.

Шелгунов даже растерялся.

— Но как же?.. Мне же неловко. Я отнял у вас столько времени.

— С неимущих не беру. Это моё правило,— твердо повторил профессор.— И помните: полный покой.

Шелгунов вышел на улицу. Медленно двинулся по Невскому. Навстречу плыл нарядный, весёлый людской поток.

«Полный покой,— думал Шелгунов.— Полный покой...»

Откуда-то доносилась музыка. Низкий мужской голос с чувством пел «Очи чёрные, очи страстные». На афишной тумбе сверкала яркая реклама: залитый светом укротитель, весь в чёрном, с хлыстом, и рядом — разъярённый лев. Грозная пасть хищника так широко раскрыта, — казалось, сейчас он проглотит укротителя вместе с хлыстом.

«Покой, покой», — мысленно повторял Шелгунов. Это было самое невероятное, самое невозможное. Подпольщик и покой! — Чушь какая-то. Несовместимая чушь.

Он шёл и шёл по сверкающему Невскому. Деньёк был, как и вчера, яркий, солнечный. И небо — чистое, зелёное и прозрачное, как огромная глыба льда. Сверкали зеркальные стёкла витрин. Блистали дорогие одежды прохожих.

«Полный покой, — думал Шелгунов. — Это значит — забиться, как мышь в нору. Да. И всё. Работать, есть и спать. Работать, есть и спать. И всё. И никаких тебе тревог. Никаких волнений».

Он усмехнулся. Нет, эта жизнь — не по нему. Тот, кто хлебнул острый вкус борьбы, уже не может вот так... Мириться с произволом, беспорядком. Жить рабом.

«А глаза? А слепота?» Он вдруг рассердился сам на себя. Вот заладил — глаза, глаза... Из «Союза борьбы» он не уйдёт. Нет, ни за что! А глаза... Время покажет. Может, профессор и ошибается. А

что? Очень даже возможно. Профессор — он ведь тоже не бог. Во всяком случае — иного выхода нет. И всё. И хватит про глаза. Он заставил себя переключиться.

И сразу — Ульянов...

Вот Ильич, улыбающийся, такой живой, энергичный, жмёт ему руку:

— Как сиделось-то?

А вот Ульянов уже насупившийся, гневный:

— Надо безжалостно разоблачать этих новоявленных «рыцарей пятачка». Надо внушать рабочим, что только политической борьбой завоюют они победу.

И ещё:

— Главное сейчас — крепить связи. Не дать им лопнуть.

«Да, — думает Шелгунов. — Главное, — крепить связи».

Он сел на конку, поехал к друзьям за Невскую заставу. «Главное — крепить связи...»

Сегодня — последний его вечер здесь, в Питере, на свободе. Надо успеть к Меркулову, и к Фоминову, к товарищам с Обуховского и с Торнтонна.

Он ехал на тряской конке и думал, что завтра в арестантском вагоне его повезут в далёкую Архангельскую губернию. В самом Архангельске его, конечно, не оставят. Загонят куда-нибудь ещё дальше, в глухомань.

«Ничего, — внушал он себе. — И там — люди. И там можно сплотить их на борьбу».

Как мы клятву давали

Это было в пятницу, а сегодня понедельник. Прошло-то всего два дня, а кажется, много-много дней пролетело. Может, целый месяц.

А вот когда мы с Виталькой, так всё наоборот: месяц проходит как день, а два месяца, как два дня. С Виталькой мы живём в одном дворе и учимся в одной школе, только я в пятом «А», а он в пятом «Б». Виталька мой лучший друг. Вернее был моим другом. До пятницы. Сейчас я вам с самого начала всё расскажу.

Значит, было это в пятницу. После уроков подходит ко мне Виталька и тихо так спрашивает:

— Лёнька, ты мне друг?

— Конечно, — говорю, — друг.
— Да нет, — продолжает Виталька, — ты скажи — настоящий друг?

— Настоящий, какой же ещё, — подтвердил я.

— Тогда давай расписку напишем, — говорит Виталька.

— Чего?

— Расписку, ну, клятву, значит, — пояснил Виталька, — поклянемся, что будем дружить вечно, до гроба. И распишемся кровью. А ночью замуровываем в стену.

У меня аж дух захватило — так всё понравилось! Только было немножко обидно, что не я это придумал, а Виталька. Но тут и в мою голову тоже кое-что пришло. Тоже мысль.

— Виталька, — говорю, — как же мы будем в стену-то замуровывать, ведь сначала нужно дырку проковырять, а потом замуровать. У нас же инструментов нет, ножом да вилкой здесь не обойдёшься, топор нужен, да и стенку жалко.

— Да, ломать нельзя, — согласился Виталька и здорово расстроился.

— А может закопать? — предложил я.

— Закопать? Закопать! Ну да, — тут же подхватил Виталька, — ночью закопаем. В двенадцать часов. Ещё бы кукушку...

— Это зачем? — удивился я.

— Так всегда делается: три раза кукушка должна кричать, а там уж и закапывать можно.

— Может, кошку? — предложил я.

— Кошку? Что ж, можно и кошку, — согласился Виталька.

Достать кошку не фокус. Можно попросить у Маринки Пушкa, но как заставить его три раза мяукнуть? Э, да что-нибудь придумаем!

— Итак, — начал Виталька, — я буду — Джо Кровавая Рука.

— Почему? — спросил я.

— Так делается для устрашения, — пояснил Виталька. Я хотел спросить, кого устрашать, но промолчал.

— А ты, — продолжал Виталька, — Сэм Синий Нос.

— Почему синий нос? — возмутился я.

— Нос-то у тебя в порядке, понимаешь, но это кличка такая, — успокоил меня Виталька.

— Не хочу я такой клички, сам можешь быть Сэмом Синим Носом, а я лучше буду Джо Кровавой Рукой.

— Ну, хорошо, — согласился Виталька, — если тебе не нравится синий нос, можешь быть Сэмом Зелёным Носом.

— Носом ты можешь быть сам, а я носом не буду.

— Если не хочешь быть носом — не надо, никто не заставляет, — согласился Виталька, задумался, закрыл глаза, наморщил лоб и почесал кончик носа. — По-

жалуйста, можешь быть Сэмом Зелёным Ухом.

— З-зелёным ухом?..

— Ну да, Зелёным Ухом, — подтвердил Виталька. — Звучит-то как, ты только послушай: СЭМ ЗЕЛЁНОЕ УХО — нараспев произнёс Виталька. — Здорово, а? Нравится?

Мне не нравилось и я уже хотел открыть рот, чтоб сказать об этом Витальке. Но не успел.

— Готово! — воскликнул Виталька. — Подписывай, — он протянул мне красный карандаш. Это вместо крови.

— Не буду, — сказал я.

— Как не будешь? — удивился Виталька.

— Вот так, — не буду и всё.

— Как это не будешь? Еще считаешься моим другом! — раскипятился Виталька. — Э, всё ясно! Ты просто боишься выходить во двор ночью клятву закапывать.

— Это я боюсь?

— Ну да, боишься. И вообще ты трус и ещё камыш! — добавил Виталька.

— Как это камыш?

— Да так. Ветер дует, и ты качаться начинаешь, — уточнил Виталька, да как толкнёт меня в бок.

Я тоже толкнул Витальку в бок. А он как развернётся, да как ножку мне подставит, — я еле-еле на ногах удержался. Тут я не выдержал и так толкнул Витальку, что у него сразу две пуговицы отлетели.

Ну всё рассказывать я вам не буду — долго очень. Когда пришёл домой, бабушка зелёной смазала мне ухо.

Я посмотрел на себя в зеркало и вдруг вспомнил слова Витальки. Ведь правда — Сэм Зелёное Ухо!

Рисунки Ю. Иванова и А. Курушина

Лев ХАХАЛИН

ПЕТРОВЫ

Рисунки Ю. Михайлова

5 марта 1940 года.

Здравствуйте, курносые!

Привет с фронта. Пишу прямо в самолёте в ожидании очередного вылета (осталось 15 минут). Только что сделал очередной, девяносто шестой боевой вылет.

Думаю, что скоро приеду в отпуск. Посылаю немного печенья. Кушайте, вспоминайте и помните, что скоро увидимся.

Пишите по такому адресу: Ленинградская область.

Только что отлетел один час пятнадцать минут. По счёту девяносто седьмой вылет. Всё в порядке. Опять сижу в кабине и жду очередного вылета, но сам я с вами.

Ухожу в полёт — 98-й боевой...

Пишу уже в общежитии. Девять часов вечера. Малыши! Не дожусь той минуты, когда увижу вас.

Ваш папка Петя.

ЭТО ПИСЬМО, написанное в кабине истребителя между боевыми вылетами командиром 3-й эскадрильи 68-го истребительного полка капитаном Петровым, адресовано жене Галине Семёновне и шестилетнему сыну Толе. Они и есть «малыши» и «курносые».

Через несколько дней после того, как письмо было отправлено в Москву, где жили Петровы, был заключён мир. А седьмого апреля капитан Петров Пётр Михайлович стал кавалером Золотой Звезды, Героем Советского Союза.

Сейчас, три десятилетия спустя, подвиг капитана Петрова воспринимается как одна из древних рун Карелии.

Однако в отличие от рун мы можем точно назвать не только имя героя, но и место, где был совершён подвиг, и дату: 17 февраля 1940 года.

Возвращаясь после выполнения боевого задания на свой аэродром, капитан Петров увидел на белой равнине озера Муола-Ярви (ныне Глубокое) два самолёта. Один, накрёнаясь, распластался на занесённом снегом льду, словно смертельно раненная птица. Ярро атели на белых крыльях красные звёзды, как бы взывая о помощи. Это был

двухмоторный скоростной бомбардировщик «СБ», по прозвищу «Катюша». Невдалеке от него стоял маленький обтянутый тёмно-зелёным перкалем разведчик «Р-5».

И если белый самолёт не подавал никаких признаков жизни, то «Р-5» яростно крутил пропеллером, и штурман, налегая грудью на крыло, силился помочь самолёту сдвинуться с места.

Но напрасны были соединённые усилия мотора в пятьсот лошадиных сил и человека — самолёт так и оставался на одном месте.

Петров сразу понял, какая драма происходит на озере. «СБ» подбит, а «эр-пятый», видимо, принимавший участие в эвакуации экипажа «Катюши», не может взлететь. Коварны озёра Карельского перешейка, нередко под слоем пушистого снега проступает вода. Вот самолёт-разведчик и примёрз лыжами к ледяному панцирю, как муха к липучке.

Через озеро Муола-Ярви в тот день проходила линия фронта. Самолёты оказались между позициями воюющих сторон. Вокруг них то и дело взлетали фонтаны воды, перемешанной с осколками льда, неумолимо сужалось кольцо чёрных воронок. Артиллерия противника пристреливалась к боевым машинам.

Что было делать Петрову? Раций на истребителях тогда ещё не было, лететь на какой-нибудь аэродром бессмысленно: вражеская батарея, расположенная на лесистом склоне холма, возвышающегося у западного берега озера, через несколько минут разнесёт оба самолёта в щепки, а лётчики погибнут. Поэтому Петров, делая круг над озером, принял почти безрассудное, но единственно возможное в той обстановке решение.

Отклонив от себя ручку, он повёл свой истребитель на посадку. Приземлялся на лёд под огнём батареи. Он прекрасно сознавал, что рискует боевой машиной и своей жизнью, но поступить иначе не мог.

Так на белой равнине озера Муола-Ярви появился третий самолёт — короткий, с тупым, как бы срезанным носом, полутороплан «Чайка», занесённый во все справочники мира как истребитель «И-158».

Не выключая мотора, Петров выскочил из машины и, подбежав к разведчику, налёг грудью на другое крыло. Как бурлаки, тянущие бечевую баржу, напряглись лётчики, увязли по колено в снегу ноги в лохматых унтах, и самолёт, словно почуяв поддержку, взревел, поднатужился и сорвался с места. Через несколько секунд он был уже в воздухе.

— Порядок! — сказал штурман, вытирая рукавом комбинезона вспотевшее лицо. Он ещё не сознавал опасности, нависшей над ним самим. Ему-то лететь было не на чем. «Чайка» — одноместный самолёт, второму сесть некуда.

Но разве мог Петров преспокойно забраться в кабину своей «Чайки» и улететь, оставив товарища на голой ледяной равнине под огнём врага?

— Пошли, — объявил он штурману и, неуклюжий, в коричневом меховом комбинезоне и длинных, выше колена унтах, зашагал к «Чайке». Сумка с парашютом ритмично покачивалась в такт шагам, как бы подталкивала его сзади.

Только сейчас осознал штурман безвыходность своего положения.

— Спасайся сам, товарищ, а я уж как-нибудь, — говорил он, еле поспевая за Петровым.

— Не говори глупостей! — резко, почти грубо отрезал Петров.

— Но куда же я сяду?

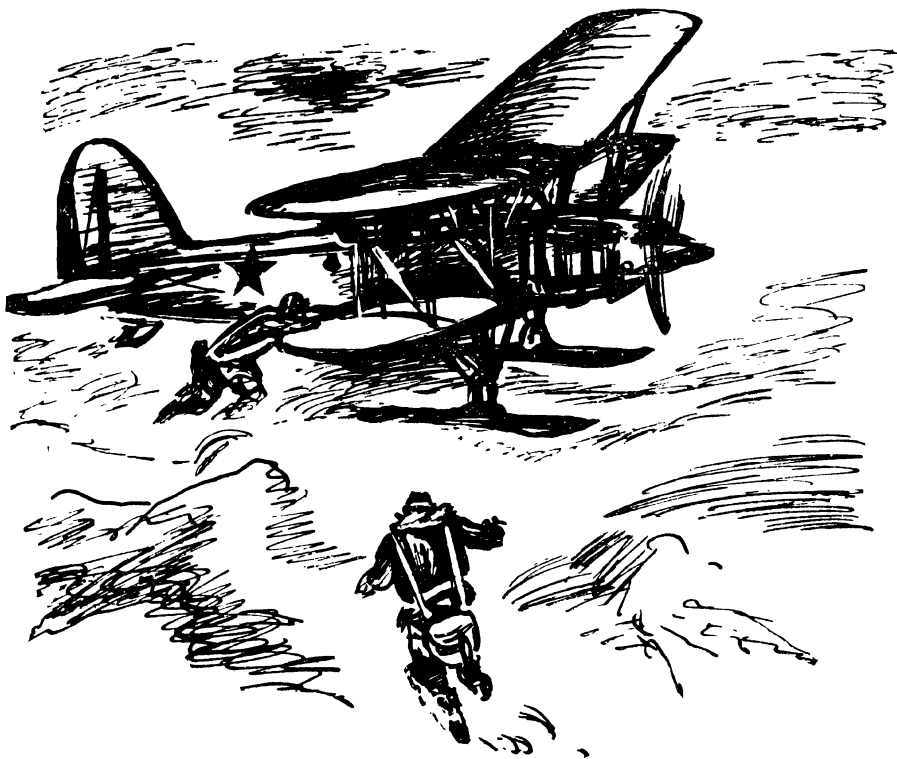
— На лыжу!

Если бы Петров оглянулся, он увидел бы на лице штурмана выражение крайнего удивления и некоторой растерянности. Лыжа истребителя — не очень подходящее место для пассажира. Даже в тёплую безветренную погоду навряд ли устоишь на ней при скорости 300 километров в час, а тут морозище в 40 градусов, встречный вихрь в два счёта сметёт с лыжи или заморозит. А если из облаков вывалятся «бульдоги», как будет лётчик вести воздушный бой с человеком на лыже и что будет с самим человеком?

— Знаешь что, товарищ... — начал было штурман и, не договорив, свалился на снег рядом с Петровым. В «Катюшу» угодил снаряд, раздался взрыв над головами лётчиков, просвистел обломок крыла с красной звездой. Этот «аргумент» окончательно убедил штурмана. Поднявшись на ноги, он не говоря больше ни слова, застегнул потуже шлем под подбородком, опустил защитные очки, поднял меховой ворот комбинезона и, встав на лыжу «Чайки» спиной по направлению взлёта, ухватился за металлическую стойку.

Так они и взлетели.

Петров, прежде чем стать пилотом, пять лет работал авиатехником в Ленинграде и Москве, машину знал превосходно и летал, по выражению лётчиков, «как бог». Искусно управляя «Чайкой», не давая ей крениться на левое крыло, выдерживая наименее возможную скорость, чтобы облегчить участь штурмана, он вёл самолёт над лесами и замёрзшими озёрами к аэродрому.

А штурман, оглушаемый рёвом мотора над головой, противоборствуя морозному вихрю, который дул ему в спину, прокалывая ледяными иглами швы комбинезона, стоял на лыже, крепко обнявшись со стойкой. Он чувствовал, что замерзает, но, опасаясь сорваться с лыжи, не шевелился: окоченевшие пальцы не смогли бы выдернуть спасительное кольцо парашюта.

Весь полк высыпал на озеро. Стартовая команда поспешно выложила из чёрных полотнищ большое посадочное. «Т» Наверное, впервые в истории авиации самолёт шёл на посадку с человеком на лыже... Вот за этот подвиг и был награждён высшей наградой страны капитан Петров. О его благородном поступке писали газеты, но лучше всех сказал о подвиге поэт Александр Твардовский:

*У лётчиков наших такая натура,
Такое заветное правило есть:
Врага уничтожить — большая заслуга,
Но друга спасти — это высшая честь.*

Эти стихи были опубликованы в газете Ленинградского военного округа 22 февраля 1940 года. Они посвящены пилоту бомбардировщика капитану Михаилу Тусову, который 10 февраля, за неделю до Петрова, посадил своего «СБ» в тыл врага под обстрелом рядом с подбитым самолётом товарища и спас экипаж. Теперь известно, что в ту войну таких подвигов было одиннадцать.

А штурмана капитана Косичкина Никифора Лукича наградили орденом Ленина.

21 июля 1941 года

Здравствуйте, мои малыши!

Пишу письмо на Москву, но не знаю, там ли вы. Действительно, настало время, когда можно сказать: напиши куда-нибудь...

Горел желанием в день рождения сделать сыну подарок, но какой? Что можно послать с фронта? Я думаю, Толечка, в день твоего семилетия лучшим подарком будет то, что твой папка и вся страна бьют проклятых фашистов.

11 июля хотелось драгаться, но не удалось. Зато 12-го мечта сбылась, и даже с лихвой. В этом бою мой самолёт получил 45 пробоин, но зато два фашистских самолёта были сбиты. Вот мой лучший подарок. Посылаю вырезку из газеты «Советская Украина». Храни её.

Погода сегодня неважная. Вот сейчас идёт дождь. Сижу в машине и пишу это письмо и мечтаю о вас.

Крепитесь и мужайтесь. Я же чувствую себя прекрасно. Куда-то пропала моя нервозность и всё, как будто рождён для войны. Короче говоря, надо постоять за Родину.

Целую, Пётр.

БОЙ, о котором Пётр Михайлович сообщает своей жене и сыну, произошёл на воздушных подступах к Киеву. Четырнадцать двухмоторных пикирующих бомбардировщиков «Ю-88» приближались к городу. Каждый «юнкерс» тащил в своем дюралевом брюхе три тонны бомб: фугасных, осколочных, зажигательных. К бомбам прикреплялись сирены. Несясь к земле, бомбы выли, словно взбесившиеся звери, наводя ужас. Они не разбирали, кто у них на пути, и косили подряд: солдата с винтовкой и мирного жителя с лопатой, мужчину и женщину, дряхлого старика и беспомощного младенца.

На коленях немецких штурманов лежал план Киева, и все цели: мосты, вокзалы, заводы, электростанции — были обведены красными

кружками. Но это вовсе не означало, что бомбы полетят именно туда, куда они предназначены. Штурман мог вывалить твой трёхтонный смерч куда попало, и вместо вокзала обрушивался и горел жилой квартал, вместо моста — больница или школа, вместо завода — Киево-Печёрская лавра с её знаменитым Софийским собором, построенным ещё до похода князя Игоря на половцев.

Шесть советских истребителей «И-16» взлетели по боевой тревоге. Сам командир полка Герой Советского Союза Петров вёл шестёрку навстречу врагу. Перед ним стояла задача разбить эскадры бомбардировщиков и спасти от бомбёжки Киев.

Петров знал, что бой будет трудным, очень трудным. Склёпанные из дюралья девятитонные «юнкерсы» имели по пять человек экипажа и мощное вооружение. Штурман, сидевший впереди в прозрачном пуленепробиваемом отсеке, стрелял из пушки, стрелок, располагавшийся в кабине позади пилота, строчил из спаренных пулемётов, обороняя дюралевую спину чудовища, а из боевой рубки у хвоста можно было защищать пулемётным огнём тыл и раздувшееся от бомб белёсое брюхо крестоносного дракона.

Истребители «И-16», прозванные «ишачками», имели по два крупнокалиберных пулемёта в крыльях. Но Петров был храбр, искусен в воздушном бою, верил в своих «мальчишек» (почти все лётчики были на десять лет моложе командира). Его приказ всем лётчикам перед вылетом был краток:

— Немцы хотят обрушить на Киев сорок тонн бомб. Приказываю: не пропустить их к городу хотя бы ценой собственной жизни. Ни одна бомба не должна упасть на Киев.

«Юнкерсы» шли двумя группами. Истребители, следуя за своим командиром, быстро набирали высоту и, оказавшись выше бомбардировщиков, перевели самолёты в пики. Они почти отвесно падали на врагов, и каждый наметил себе цель. Петров был впереди. Он атаковал флагмана. Отчаянно били по нему в четыре ствола стрелки. Но истребитель мчался с такой скоростью, так страшен был его стремительно приближающийся силуэт с молчащими до поры пулемётами, что у стрелков затряслись руки. Лишь когда в прицеле чётко обозначились чёрные кресты и застеклённый горб дракона, Петров нажал на гашетки. Беспощадные пули вспороли дюраль «юнкерса». Он вспыхнул и так, с развевающейся оранжевой гривой, пошёл к земле.

— Ура! Горит! — кричал в своей кабине лейтенант Алексеенко, забыв, что никто не может услышать его. Алексеенко мчался за Петровым чуть в стороне, прикрывая его с тыла.

Боевой строй бомбардировщиков смешался. Раскрылись люки, «юнкерсы» вываливали свой смертоносный груз куда попало, стремясь налегке уйти от погони. Но красные звёзды маленьких «ишачков» мелькали то справа, то слева, то сзади, и сухой треск пулёмётных очередей смешивался с рёвом тридцати моторов... Тридцати, потому что второй «юнкерс», расстрелянный лейтенантом Алексеенко, дымил уже где-то внизу грудой обломков. Ещё одного, как он ни вил, настиг и сокрушил Петров.

Пример командира полка воодушевил лётчиков. Смело атаковал «своего» «юнкерса» лейтенант Клименко. Зажигательные пули пробили бензобак истребителя, самолёт загорелся. И всё же выполнил Клименко приказ командира... Охваченный огнём истребитель продолжал атаку, сверкали, пронзая тушу дракона, молнии трасс. Вот и на крыльях дракона заплясали оранжевые лохмотья, и через секунду он превратился в огромный клуб огня, из которого вываливались

чёрные куски и обломки. А от горящего истребителя отделилась тёмная капелька, над ней раскрылся купол парашюта. Клименко успел выброситься из огненного клубка.

Пятью «юнкерсами» заплатили в тот день немцы за попытку бомбить Киев.

Через несколько дней в газете «Советская Украина» появилась большая статья о Петрове и его лётчиках, а также снимки пленного немецкого пилота и двух сбитых Петровым «юнкерсов», вернее того, что от них осталось. Пленный пилот имел три железных креста за Лондон, Париж и Брюссель (два креста он с перепугу сорвал и бросил в крапиву, так что мальчишкам пришлось, не щадя ни рук, ни босых ног, отыскивать трофей). Встреча с Героем Советского Союза Петром Петровым оказалась роковой для немецкого аса.

Вот этот номер «Советской Украины» за 21 июля 1941 года и послал Пётр Михайлович в качестве подарка сыну с надписью: «Толику от папки».

29 сентября 1941 года

Привет моим малышам!

Пишу в минуту, свободную от работы. Сижу в кабине, готовый в любую минуту взлететь. Погода сегодня плохая, но... отдых в кабине. Кабина закрыта целлулоидом, тихо, и лишь только эту тишину нарушает ход часов на приборной доске. В этой обстановке, лишь в такие минуты, вспоминаешь о прошлом, обо всём хорошем — о семье.

Толя! Если ты уже стал ходить в школу, то учись только на отлично. Тебе уже семь годиков, и ты уже умный малыш... В общем, сынок, будем соревноваться: ты за отличную учёбу и дисциплину, а я отлично буду бить фашистских гадов, чтобы тебе было лучше жить.

Мой адрес: Действующая Красная Армия, ППС 236, п/я 1, улица?.. дом?.. просто землянка (это в шутку).

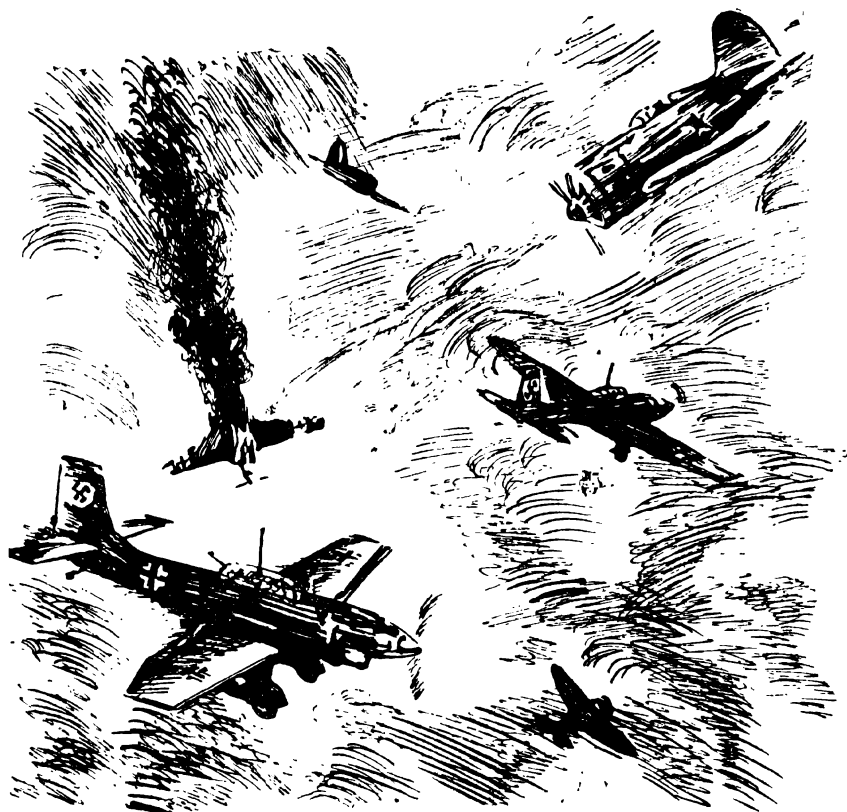
Пётр.

ПИСЬМО написано в горькие дни отступления. 29 сентября, то есть в тот день, когда Петров написал письмо с обращением к сыну, войска Юго-Западного фронта завершили отход на рубеж Полтавы. Свой последний бой над Киевом майор Петров провел 4 августа.

В тот день два звена истребителей патрулировали над городом. Одно звено вёл Петров, другое — командир эскадрильи майор Николай Козырев. Близился вечер, но солнце ещё стояло высоко над горизонтом. Ярко и празднично выглядел с высоты город, кварталы которого как бы тонули в зелёном море садов и парков. Шесть чёрных силуэтов возникли внезапно, как мираж. Они прилетели для расчистки воздуха перед налётом своих бомбардировщиков. Между ними и солнцем оказалось звено Козырева. Наверное, немецкие пилоты хорошо видели, как блестят в солнечных лучах красные звёзды на тёмно-зелёном перкале «ишачков». Момент для них был самый что ни на есть благоприятный. И они пошли в атаку на Козырева, все шестеро, а Козырев шёл себе своим курсом, ничего не подозревая. Он не видел врага потому, что, когда он оглядывался, солнце слепило ему глаза.

«Мессершмитты» стремительно приближались к звену «ишачков». Ещё несколько секунд, и красные звёзды попадут в огненную сеть трасс и разрывов. Козырев обречён...

Но тут случилось невероятное. В пространство между «мессершмиттами» и Козыревым ворвался истребитель с красной звездой на

борт. Он шёл в лобовую атаку. Он жертвовал собой, подставляя свою машину под дула двадцати четырёх пушек и пулемётов.

Наверное, пилот ведущего «мессершмитта» уже целился, прищурив глаз, в Козырева, и, когда перед ним внезапно выскочил неведь откуда взявшийся русский истребитель, когда потянулись навстречу, словно вызывая на поединок, сверкающие пулёмётные трассы, немец опешил и сразу отвалил в сторону.

Козырев был спасён, но шесть немецких истребителей, в отличие от миража, не растаяли в воздухе. Подумать только, какой-то безумец осмелился вступить с ними в бой один против шестерых! «Доннер веттер, смерть ему!» Да не тут-то было! Вот когда пригодились Петрову боевые развороты, мёртвые петли, горки, пике, которыми год назад так восхищались тбилисцы на воздушном празднике. Маленький «ишачок» крутился в воздухе, разворачиваясь чуть ли не на хвосте, красные звёзды то взлетали вверх, то отвесно падали вниз, строчили и строчили, как швейная машинка, пулемёты, и вот уже скоростной бронированный «мессершмитт» в огне и дыму совершает свое последнее пике.

Сто лет назад один немец, которого звали Карл Клаузевиц, написал в своей книге о войне, что теория не вправе выдвигать какие-либо законы, ставящие предел дерзанию. Трудно было сказать, слышаны ли о Клаузевице немцы, сидевшие в кабинах «мессершмиттов», только поступили они точно в соответствии с теорией своего

соотечественника. Потеряв водителя, поняв, что имеют дело с асом, которого голыми руками не возьмёшь, хотя бы вшестером, они отказались продолжать бой и отступили.

А что же Петров?.. Нет, никакая богиня не обжигала его, держа за пятку, на священном огне, как Ахиллеса, и не был одет в броню его самолёт, обтянутый фанерой и перкалем. Снаряды и пули фашистов сделали своё дело. Фюзеляж и крылья «ишачка» сквозили, словно мишень, простроченная пулями меткого стрелка, пробоина на пробоине, не отыщешь живого места, и прямо в лицо хлещет струя бензина из пробитого бензобака. Бензин стекает по горячему потному телу, смешиваясь с кровью из ран... мутится сознание... мерцающей жёлто-зелёной стеной придвигается огромная плоскость земли...

Теряя сознание, но не выпуская из рук шершавой рукоятки управления, Петров шёл на посадку.

Подбежавшие к самолёту люди увидели его распластавшимся ничком на крыле с пистолетом в откинутой руке. Синий комбинезон, пропитанный бензином и кровью, был порван осколками. Потребовалось применить усилия, чтобы разжать пальцы, намертво стиснувшие рукоятку оружия. Пистолет был на боевом взводе. Должно быть, Петров уже не сознавал, куда опускается самолёт, на своей стороне или у немцев. У него хватило сил взвести курок, но, выбравшись из кабины на крыло, он упал и потерял сознание.

Почти всю ночь просидел у медицинской палатки комиссар полка Александр Герасимович Каменский. Под утро, когда он задремал, сидя на каком-то ящике, его разбудила санитарка.

— Что? — шёпотом спросил Каменский.

— Бредит, — так же шёпотом ответила санитарка. — По-заграничному. Он что, нерусский, что ли?

— Скажешь ещё! — возмутился Каменский. — Нерусский. Хоть и в Карелии родился, а коренной русак.

Каменский вошёл в палатку, тускло освещённую маленькой лампочкой. Петров разметался на узкой койке, одеяло свалилось на землю.

Петров что-то проговорил. Комиссар прислушался. Петров действительно говорил на иностранном языке.

Комиссар улыбнулся. Накануне войны Петров, готовясь поступать в Военно-воздушную академию, изучал английский язык. Кто-то из лётчиков, помня об этом, подарил командиру подобранную у какого-то разрушенного здания малость обгоревшую книгу. Это были сказки Оскара Уайльда в роскошном издании с золотым обрезом на английском языке. И Петров привык перед сном, лёжа в постели, прочитывать одну-две странички. Беззвучно шевеля губами, он переводил фразу за фразой.

Выйдя из палатки, комиссар снова сел на ящик и задумался. Как же рассказать лётчикам о подвиге командира? Что это было? «Безумство храбрых»? Может быть. Но вернее будет сказать, что Герой Советского Союза Петров, советский лётчик и коммунист, не мог поступить иначе. Так же, как не мог улететь с озера Муола-Ярви, оставив на льду под обстрелом штурмана Косичкина.

15 марта 1942 года

Дорогая Галина!

Я не мог сразу написать вам о гибели Петра, рука моя не поднималась. Я всё думал, как безболезненнее нанести вам этот страшный удар.

Он погиб 23 ноября 1941 года от зенитного огня. Похоронили мы его в городе Уразове, Курской области, на кладбище у старой церкви под большим деревом. Опасаясь, что в случае захвата врагами города они надругаются над телом нашего друга, сделали простую могилку, поставили столбик, на котором прибили металлическую дощечку с надписью: «Погиб смертью храбрых». Мы не могли писать, что здесь похоронен Герой Советского Союза.

Все лётчики носят в планшетах фотографии Петра, его портрет висит в штабе полка. Я крепко любил его, как брата. Мне часто приходилось удерживать Петра. Во время бомбёжки аэродрома он с КП бросился вдруг к своему самолёту. Я кинулся за ним, свалил его на землю и под разрывами бомб силою втащил в щель, за что он крепко со мной повздорил.

В другой раз я оказался под перекрёстным пулёмётным огнём. Пётр, рискуя своей жизнью, бросился ко мне на автомашине, выхватил меня из огня и вывез в лес.

Более близкого друга, чем Пётр, я не имел. Его крепко любили все лётчики, любили за храбрость, за благородное сердце, за весёлый нрав и исключительную чуткость к товарищам своим боевым. Когда мы узнали о его гибели, мы все плакали, как дети, потерявшие отца. Закалённые в боях храбрецы-лётчики, не раз смотревшие в глаза смерти, сами сеявшие смерть, не могли перенести смерти Петра, кровавыми слезами оплакивали свою потерю и клялись отомстить. И мы мстим. Крепко мстим!

Пусть сознание, что Пётр погиб за свой народ, утешит Вас, пусть Ваш сын, так любимый Петром, придаст Вам силы и веру в будущее. До свидания, дорогая Галина.

Майор Берёзовой.

ИВАН Никифорович Берёзовой в 1941 году был начальником штаба 254-го полка. Впоследствии он стал начальником штаба авиакорпуса, а 254-й полк весной 1943 года был направлен на Волховский фронт. Питомцы Героя Советского Союза Петрова сражались за Ленинград, Новгород, освобождали Лугу и Псков, Тарту и Ригу.

Минувшей весной я встречался в Москве с генерал-майором авиации Берёзовым. Он профессор Академии Генерального штаба, автор сорока научных трудов и двух книг о лётчиках. В повести «Истребители вступают в бой» Иван Никифорович в образе командира полка воссоздал черты своего фронтового друга Петрова.

Галина Семёновна Петрова тоже живёт в Москве. Она работает фельдшером в Центральном спортивном клубе Советской Армии. В её маленькой комнатке на Петровско-Разумовской аллее как самые дорогие реликвии хранятся письма и фотографии Петра Михайловича. А где же Толя Петров, тот мальчик, которому Пётр Михайлович в июле 1941 года прислал из Киева свой фронтовой подарок?..

20 сентября 1973 года

Здравствуйте, товарищ Хахалин!

Очень рад вашему письму и охотно на него отвечаю.

Об отце у меня сохранились лишь детские воспоминания, так как мне было всего семь лет, когда он погиб. О себе могу коротко рассказать.

В 1944 году я поступил в Суворовское училище. Затем окончил истребительное авиационное училище. Служил на Дальнем Востоке, много летал и дежурил на границе, а в 1961 году поступил в Военно-воздушную Краснознамённую академию имени Ю. А. Гагарина.

В настоящее время летаю на современных реактивных истребителях.

У меня есть своя семья. Моя жена Надежда Павловна — преподаватель музыки, дочери Ларисе три с половиной года, ходит в детский сад.

С уважением, подполковник А. Петров.

27 сентября 1973 года

Уважаемый товарищ Хахалин!

Сообщаю вам, что подполковник Петров Анатолий Петрович служит в нашей части. Он прошёл славный путь от рядового лётчика первого класса, старшего инструктора. Летаёт смело и уверенно, днём и ночью, во всех условиях погоды, все задания выполняет на хорошо и отлично. Свой богатый опыт в лётной работе подполковник Петров с большим желанием и умело передаёт молодым лётчикам.

Анатолий Петрович пользуется заслуженным деловым авторитетом у товарищей и командования. Это исключительно скромный, тактичный офицер, коммунист, хороший товарищ.

Командир воинской части.

ГАЛИНА Семёновна Петрова при встрече в Москве рассказывала мне, что Пётр Михайлович, уезжая на фронт, сказал ей:

— Береги сына, хорошенько береги. Вырастет — меня заменит.

Лётчик первого класса подполковник Анатолий Петрович Петров выполнил завет своего отца Героя Советского Союза Петра Михайловича Петрова.

НАШ ЩЕНОК

*Живёт во дворе у нас
Добрый щенок.
Не лайка, не колли,
Не фокс и не дог.
Он просто дворняжка.
Он трусит немножко.
Его не боится соседская
кошка.*

*Играет с ребятами
Ласковый пёс
Лизнуть норовит их
И в щёки, и в нос.*

*Оставив игрушки —
утащит их в будку.
И просит прощенья
За грустную шутку.
Пусть он неуклюжий
И ходит, как утка.
Представить наш двор
Без него даже жутко.*

Саша ЛЕБЕДЕВА,
6-й класс, 462-я школа.

К а ч а л к а

Пять лет назад,
 Пять лет назад,
 Когда мне было пять,
 Я покачался на коне
 И вот хочу опять.
 Сажусь на старого коня,
 Но конь стал что-то мал.
 Пять лет назад,
 Пять лет назад
 Я ног не подгибал.
 Садовник с лейкой и совком
 Меня с коня прогнал.
 А вот пять лет тому назад
 Меня никто не гнал.
 Сказал: — Послушай, паренек,
 Прошли твои года,
 Вот слон стоит, а на коня
 Уже ты опоздал.

Всего пять лет!
 Всего пять лет!
 Так грустно стало мне.
 Не покачаться никогда
 Теперь уж на коне.

Внутри и снаружи

Внешняя сторона Петрова
 Была к уроку готова.
 Сидит он за партой
 И так сияет,
 Будто всё на пятерку знает.
 Не будет учитель
 Зря время терять,
 Если снаружи явная пяť.
 Учитель окинул внимательно класс:

— Ну, Петров, порадуй хоть раз!
 Вижу, урок ты знаешь,
 Если весь так сияешь.

К т о п р а в?

Сегодня Клоков
 дежурный у нас.
 Кто не мылся,
 не пустит в класс.
 Коля Сизов,
 его старый друг,
 Чтоб друга проверить,
 не вымыл рук.
 — Пока не помоешь, —
 сказал ему Клоков, —
 Не допушчу тебя
 до уроков!
 — Что ты?
 Да мы же друзья!
 С друзьями ведь
 так нельзя!

— А разве такими
 руками
 Здравоваться можно
 с друзьями?

Лизелотта
**ВЕЛЬСКОФ-
ГЕНРИХ**
.....

РИСУНКИ
Ю. БОЧКАРЁВА

Летняя ночь была холодна. Ветер шевелил трофеи на высоком шесте. Уинона решила отправиться в ночную прерию, чтобы встретиться с братом. Она готова была ответить за все последствия своего поступка, но она не могла поступить иначе, она слишком устала от той жизни, которая выпала на её долю. Шонка хотел взять её к себе в палатку,

сделать своей женой. Она отказалась. Четан, который, став воином, получил имя Четанзапа, что значило Чёрный Сокол, тоже хотел получить её, но она не любила его. Тогда Четанзапа похитил себе жену у племени понка. Уинона продолжала жить вместе с бабушкой, матерью Матотаупы, Унчидой, в их палатке не было воина. Они жили тем, что давали другие воины для их палатки. Ей было семнадцать лет, и она ещё не была замужем. Все ви-

Продолжение. Начало в «Искорке» № 1.

дели её молчаливой, гордой, печальной. Откровенно говорить она могла только с Унчидой.

Уинона вышла в прерию и нашла следы коня, которые заметила ещё с вечера. Она знала привычку брата уезжать далеко в прерию, когда он над чем-нибудь задумывался. Харка любил усесться на каком-нибудь холмике и, озирая бескрайний простор, жевать травинку. Вот и сейчас, думала она, он сидит и смотрит по сторонам и даже в ночной темноте, конечно, увидит её раньше, чем она сумеет заметить его. И вдруг следы коня в темноте потерялись. Она остановилась. Её руки стали холодными и покрылись потом, сердце судорожно билось. Крикнуть? И она прокричала койотом. Это был тот сигнал, которыми они обменивались ещё в детстве.

Уинона прислушивалась. Губы ее дрожали, но она не плакала. Она вообще никогда больше не плакала с тех пор, как её брат, вслед за изгнанным отцом, покинул палатку.

А может быть, он совсем и не желает видеть свою сестру, говорить с ней?

«Да, ожидание бесполезно», — говорила она сама себе и всё же не решалась отправиться назад, хотя разум твердил ей, что надо возвращаться. И тут случилось то, чего она уже не ждала. Её брат, молодой воин выше её почти на голову, стоял перед ней.

— Что ищешь ты? — спросил он на языке дакотов.

— Тебя.

Он не сразу ответил, а когда всё-таки ответил, в голосе его послышался холод, недоверие:

— Кто тебя послал?

Лицо Уиноны дрогнуло, но она резко ответила:

— Никто.

— Чего ты от меня хочешь?

— Ты хочешь, чтобы я ушла? — наконец произнесла она, и спазма до боли сжала ей горло. — Не забудь, что мы дети одного отца... и одной матери. Я пойду.

Она повернулась и побежала так, будто за ней кто-то гнался. И когда вернулась в палатку и снова улеглась под одеяло, она зажала ладонями лицо, а рот её был открыт, словно в безмолвном крике.

НАЧАЛО светать, но Камень С Рогами всё ещё не вернулся в палатку. Гром Гор уже проснулся, но не вставал, а наблюдал за своей сестрой. Ситопанаки поднялась раньше его и была чем-то взволнована. Она понемногу подбрасывала в очаг сучья. В слабом свете огня Гром Гор видел лицо девушки. За ночь оно сильно изменилось, только никак было не понять — нежность, уныние, горечь или гордость отражались в его чертах. Гром Гор тихонько поднялся и подошёл к очагу. Все ещё спали, но его друга не было. Гром Гор выглянул из палатки. Не было и коня. Он обернулся и встретился со взглядом сестры. В нём была тревога.

И, подумав, что он угадал, в чём дело, Гром Гор сказал:

— Камень С Рогами любит уходить один в прерию.

— Но он встретился с девушкой-дакоткой, — совсем тихо возразила Ситопанаки тоном, который говорил о многом.

Гром Гор ещё раз посмотрел на её печальное лицо и, кажется, понял причину её переживаний. Странно! Удивительно! Он-то сам несколько не сомневался в том, что его друг, которого она любит, рано или поздно возьмёт её в свою палатку.

Послышался топот. Харка подъехал к палатке, привязал коня и вошёл. Он, как всегда, подсел к очагу и принялся вместе со всеми завтракать.

Вождь Горящая Вода попросил, чтобы он во время состязаний молодых воинов стрелял из костяного лука, из которого Матотаупа когда-то попал в Солнце. Отказаться от такой чести Камень С Рогами не мог, но просьба эта не вызвала у него и особой радости. Он взял лук, сказал, что ему надо поупражняться, чтобы завтра получше попасть в цель, перекинул лук через плечо и

на серой лошади выехал в прерии.

Вернулся Камень С Рогами только к вечеру. А когда уже начало темнеть, в палатку вождя Горящая Вода явился посыльный и сообщил, что верховный вождь дакотов Тазунка Витко призывает Камня С Рогами к себе, что он хочет поговорить с сыном Матотаупы представление минувших событий. Вождь Горящая Вода не мог отказать в такой просьбе и сказал молодому воину, что ему следует пойти к Тазунке Витко.

В большой богато украшенной палатке вождя Камень С Рогами застал не только Тазунку Витко, но и Татанку Йотанку, влиятельнейшего жреца дакотов, которого он не видел со времени изгнания Матотаупы. Кроме вождей дакотов здесь же был и верховный вождь по имени Макпиалюта — Красное Облако.

Вершители судеб племён сидели у очага и курили. Юный воин дождался, пока Татанка Йотанка движением руки не пригласил его к очагу. Камень С Рогами достал свою трубку, и Тазунка Витко протянул ему табак. Затем последовало молчание: все курили.

Татанка Йотанка был уже в том возрасте, когда люди внешне мало меняются. Весь его облик свидетельствовал о незаурядном уме, твёрдости воли, сознании своего достоинства. Но Тазунка Витко привлекал внимание Камня С Рогами даже больше, чем могущественный жрец. Этот вождь

был не более чем на шесть-семь лет старше Камня С Рогами. Но манера держаться и отображающаяся на лице напряжённая работа мысли были его отличительными чертами.

Трубки были докурены.

— Ты как воин получил имя Камень С Рогами? — спросил Татанка Йотанка.

— Хау.

— Среди дакотов ты будешь называться Токей Ито.

— Я принимаю это имя.

— Ты знаешь, что будет представлено среди минувших событий?

— Я знаю, что сообщил глашатай, и я знаю, что вожди предлагают мне быть на представлении Харкой.

— Тогда ты должен от нас услышать и ещё кое-что. Твой отец здесь.

Харка, Твёрдый Как Камень, которого теперь называли Камень С Рогами, вздрогнул.

— Твой отец, Матотаупа, — пояснил Тазунка Витко, — пришёл в палатку верховного вождя сиксиков и дал согласие принять участие в представлении минувших событий. Сиксики его приняли. Они рассматривают места, где мы собрались на праздник, как свою область охоты. Мы им сказали, что это наши места охоты и Матотаупа не должен вступать на земли дакотов. Допуская сюда Матотаупу, сиксики в наших глазах тем самым нарушают праздничный мир. Мы не хотим в эти дни проливать кровь, но, если сиксики не примут мер, чтобы Ма-

татаупа сразу же после праздника покинул этот район, будет вырыт из земли военный томагавк. Теперь ты знаешь, что может произойти.

— Я слышал твои слова, Тазунка Витко.

— Мужчины сиксиков, кажется, до сих пор считают тебя мальчиком, хотя ты уже стал воином. Я видел тебя во время схватки на юге, там, где проложена дорога для огненного коня. Я тебя вызвал на поединок. Почему ты не вышел?

— Я не хотел.

— А теперь ты знаешь, чего ты хочешь?

— Я не боюсь тебя, Тазунка Витко. Как только закончится праздник, я готов к поединку.

— Подумай как следует, прежде чем говорить, Токей Ито. Когда закончится праздник и ты пройдёшь через тенец Солнца, ты будешь лежать на шкуре бизона и за тобой будут ухаживать. У меня не будет времени ждать, пока ты вновь обретёшь силы.

Юный воин не мог ничего возразить потив этого справедливого замечания, но от поражения, которое он сейчас потерпел, кровь бросилась ему в лицо.

— Есть ещё многое, о чём тебе надо как следует подумать, — продолжал Тазунка Витко. — И когда твои собственные мысли придут в порядок и когда ты наконец поймёшь, что твой отец виновен, тогда ты придёшь в наши палатки...

Когда Камень С Рогами вернулся в типи вождя Горящая Вода, то при колеблющемся свете очага увидел гостя. Это был высокий индеец, в волосах которого поблескивала седина.

Молодой воин остановился у входа. Гость медленно повернул голову. Отец с сыном узнали друг друга. Глубокие морщины появились на лице Матотаупы, глаза у него провалились, но в его широкой фигуре чувствовалась ещё необычная сила. Рядом с Матотаупой у очага сидели Горящая Вода и Гром Гор.

— Ну вот, мой сын, — сказал Матотаупа. Сын узнавал и не узнавал голос отца, потому что за последний год он стал ещё более хриплый. — Ты пришёл из палатки Тазунки Витко, и ты, наверное, уже слышал, что я нарушаю мир во время праздника.

— Да.

Горящая Вода пригласил молодого воина занять место у очага. Сын Матотаупы с трудом сделал несколько шагов и медленно опустился на землю.

Матотаупа поднялся.

— Верховный вождь сиксиков ждёт меня, — сказал он вождю Горящая Вода, распрощался и вышел.

Горящая Вода посмотрел на Камня С Рогами. Он ничего не сказал, ничего не спросил, а только потушил очаг, как бы говоря, что время ложиться спать. Каждый пошёл на своё место.

Когда наступило утро, Гром Гор ни словом не обмолвился относительно событий прошед-

шего вечера. Они вместе купались, вместе вернулись в палатку, вместе готовились к состязаниям юных воинов, состязаниям в беге и стрельбе.

Гром Гор и Камень С Рогами входили в группу сиксиков. Среди дакотов наиболее сильным бегуном был Сын Антилопы. Камень С Рогами знал этого бегуна, знал, что за первое место предстоит тяжёлая борьба.

— Сыну Антилопы нельзя

дать вырваться, тогда нам его уже не догнать, — сказал Камень С Рогами своему другу.

— Я не смогу бежать со скоростью ветра, — спокойно ответил Гром Гор.

— Я тоже не могу. Но я должен прийти первым, нельзя мне сегодня оказаться хуже его.

Двенадцать молодых воинов, по четыре от каждого племени, вышли на старт. Каждое племя выставило и своих су-

дей. Собрались многочисленные зрители. Когда был дан сигнал, Камень С Рогами тотчас же устремился за своим главным соперником, чуть не наступая ему на пятки. Для этого ему пришлось напрячь все свои силы. Сын Антилопы понял тактику своего противника и с самого начала стал наращивать скорость, чтобы оторваться от него. Оба вырвались вперед, и это неудивительно: помимо борьбы за первенство в беге ими руководило и что-то другое, ведь Антилопа-отец был убит в своей палатке стрелой Матотаупы...

Скоро всем стало ясно, что главные соперники — Камень С Рогами и Сын Антилопы. Бегуны напоминали несущихся мустангов: сверкали на зелёном фоне прерии их лоснящиеся тела, мелькали длинные мускулистые ноги. Сын Антилопы чувствовал, что Камень С Рогами не отстаёт от него ни на шаг. Под неистовые крики зрителей они достигли поворотного пункта: Камень С Рогами всё ещё был позади. Сын Антилопы и на повороте пытался увеличивать скорость, но тут путь был не очень ровный, и он споткнулся. Он не упал, он даже не повредил ноги, только сбился темп его движения на очень короткое время. Но этого оказалось достаточно, чтобы Камень С Рогами под восторженные крики сиксиков обогнал Сына Антилопы.

Нет, ещё не выиграл Камень С Рогами этого состязания, но когда он перестал видеть пе-

ред собой Сына Антилопы, силы его словно возросли. А Сын Антилопы уже не мог ни на один шаг приблизиться к обогнавшему его сопернику.

Камень С Рогами прибежал первым. Всего на два шага отстал от него Сын Антилопы. Оба упали на траву и хватали ртом воздух...

КАМНЯ С Рогами чествовали как победителя. Вместе с Громом Гор он пошёл в палатку. Гром Гор прибежал третьим и искренне радовался успеху друга.

— То, что сделал я, мог бы сделать и ты, — сказал ему Камень С Рогами. — Ты только недостаточно хотел этого...

Самым значительным событием дня было состязание в стрельбе. Стрельба из лука завершала одиночные соревнования индейцев-охотников. Ведь, в конечном счете, именно попадание в цель давало охотничью добычу. Это состязание служило своего рода экзаменом молодого воина: сумеет ли он обеспечить себя, стариков, женщин и детей, готов ли он к борьбе за жизнь?

Было подготовлено двенадцать щитов, и двенадцать воинов держали щиты, а другие двенадцать стреляли. Потом менялись местами. Камень С Рогами и Гром Гор по очереди держали друг другу щит. Оба попали в цель. Это заняло очень мало времени. Оба захотели посмотреть на стрельбу других воинов, а может быть, и помочь кому-нибудь держать щит. Кто-то из

ассинибойнов попросил держать щит Грома Гор. Кто-то с такой же просьбой обратился к Камню С Рогами. Он повернулся и увидел перед собой дакоту. Это был Шонка, который с детских лет ненавидел Харку. Он совал ему в руки щит. Пришлось взять щит, хотя это показалось Камню С Рогами очень странным. Он встал рядом с другими и держал щит так же, как и все, прикрывая им грудь и плечи и наблюдал за стрелком. Шонка целился стоя, как и было предписано. Целился он необыкновенно долго, словно был очень неуверен. К Шонке подошли вождь Горящая Вода и Тазунка Витко. Шонка, казалось, колебался, он опустил лук, затем неожиданно поднял его и выстрелил. Камень С Рогами увидел, что стрела летит выше щита прямо в глаза. Он быстро отклонил голову, и стрела, пролетев над щитом, воткнулась в траву. Кругом раздался хохот. И хотя кое-кто из воинов попал не точно в центр щита, но ни одна стрела не пролетела мимо.

— Он отодвинул щит, чтобы я не попал, — сказал Шонка вождям.

Камень С Рогами подошёл и бросил щит Шонке под ноги.

— Я попрошу вождей разрешить тебе ещё выстрел. Но чтобы ты не мог попасть туда, куда хотел попасть, щит тебе пусть держит другой. Ты не побоялся оказаться плохим стрелком, лишь бы убить Камня С Рогами.

Камень С Рогами отошёл,

но и он слышал ещё слова Тазунки Витко:

— Твой поступок, Шонка, не делает чести дакотам. Возьми свой щит, стрелы и скройся в палатке. Чтоб глаза мои тебя не видели!

На следующий день состоялись игры девушек. Сияло солнце, синели на востоке Скалистые горы. Было около полудня, когда на месте, отведённом для торжества, собрались матери и бабушки, братья и сёстры, молодые воины и почётные отцы.

На праздничную площадку парами вышли девушки. На них были богато расшитые одежды, ожерелья из раковин. Девушки-дакотки по обычаю покрасили пробор красной краской. Девушек пристально разглядывали со всех сторон, и они шли с опущенными глазами. Посреди площадки лежал окрашенный в красный цвет камень и были воткнуты в землю две стрелы. Каждая девушка, прежде чем занять место в кругу, касалась рукой камня и стрел.

Камень С Рогами, Гром Гор, как и все воины, наблюдали за девушками через головы матерей и бабушек.

Первая девушка назвала имя своего отца, потом — свое имя, рассказала, как она работала в палатке родителей, как обрабатывала кожи, шила платья, как в ту зиму, когда не было известий от отца, она с ножом в руках сражалась с голодной пумой, она даже показала руку в шрамах от когтей зверя. Её рассказ всем по-

нравился. Два воина и две пожилые женщины вышли вперёд и сказали похвальные слова об этой гордой и прилежной девушке.

Потом говорила Ситопанаки. Её речь была простой и ясной, она даже сопровождала слова жестами, чтобы её поняли дакоты и ассинибойны. Как об особом событии, она рассказала о том, как вместе с большой чёрной собакой она разыскива-

быстры,— сказал он.— И ни один воин не может похвастаться, что она подарила ему больше взглядов, чем другим. Счастлив будет тот, кто приведёт её в свою палатку.

Выскочила вперёд Насмешливая Синица и от всего сердца подтвердила похвалы Бродящего По Ночам. На этом обсуждение Ситопанаки закончилось. Гром Гор посмотрел на свою мать, которая была

ла зимой маленького брата, который убежал далеко от лагеря и которого засыпала срывающаяся с гор снежная лавина. Ситопанаки отыскала малыша, выкопала его из-под снега. Жрец вернул мальчику жизнь.

Вождь Горящая Вода подтвердил рассказ дочери. Бродящий По Ночам — сын Мудрого Змея громко расхваливал Ситопанаки за её усердную работу, за смелость.

— Ноги её легки, а руки

явно разочарована: какая бы честь была для её дочери, если бы выступил Камень С Рогами — победитель состязаний праздника. Но Камень С Рогами стоял не шелохнувшись.

Девушки продолжали рассказывать о своей жизни. Уинона была последней. Шонка зашевелился. Заметив это, Камень С Рогами взглядом поминал Грома Гор поближе к кругу девушек.

— Мое имя — Уинона, — начала девушка. — Мой отец —

Матотаупа. Я живу в палатке рода Медведицы, племени оглала, принадлежащего к тейтон-дакотам. Моя мать убита. Меня вырастила бабушка Унчида. Она научила меня всему, что должна уметь и знать девушка.

Слушатели ожидали, что Уинона расскажет что-нибудь, что делало бы ей честь. Но она на этом закончила.

И тогда выступил Чотанка, из типи которого Уинона пришла на праздник.

— Унчида научила Уинону не только выделывать шкуры, готовить мясо, строить палатки, шить одежды и вышивать их. Уинона знает лечебные травы, знает, где их найти. Она может лечить раны и под её руками заживает то, что не могло бы зажить. Она двух наших воинов — меня и Старого Ворона — спасла от смерти, когда белые люди тяжело ранили нас своими выстрелами.

Эта речь произвела впечатление: ведь искусство лечить раны имело большое значение для народа охотников и воинов.

Вышел Шонка. Перед этим он шепнул несколько слов одному из воинов-дакота.

— Чотанка, — начал Шонка, одетый в богато расшитый костюм с отличительными знаками воина, — Чотанка, ты говоришь, как хороший отец о девушке Уиноне, но ты не всё о ней сказал. Скажи же, где была Уинона в ночь перед началом нашего торжества?

Этот вопрос вызвал волне-

ние: многие готовы были возмутиться необоснованным подозрением, иных уже разоблало любопытство, не совершила ли эта девушка чего-нибудь недозволенного.

— Уинона спала в моей палатке, ты, змеиный язык! — резко крикнул Чотанка.

Камень С Рогами смотрел на сестру. Она оставалась совершенно спокойной.

Шонка подзвал к себе воина, с которым только что шептался.

— Это — Кровавый Томагавк, — сказал он, — он может сообщить, что видел.

— Чотанка, — начал этот воин торжественно, у него был резко выраженный горбатый нос и низкий лоб, он принадлежал не к роду Медведицы, а к другому роду дакота. — Мои глаза видели, как Уинона ночью, перед началом нашего праздника, покинула палатку.

Она ушла в прерию и долго оставалась там.

— Это неправда,— сейчас же возразил Чотанка.— Уинона?

Девушка не промедлила ни мгновенья:

— Это правда.

— Где ты была? — воскликнул Чотанка.

Девушка не отвечала. Слушатели молча посматривали друг на друга. Шонка злобно ухмыльнулся. Дочь изгнанника была выставлена на позор перед вождями, перед воинами, перед женщинами трёх племен! Её прекрасная праздничная одежда теперь больше ей не нужна, ни к чему теперь и её умение исцелять раны. Ещё мгновение — и сам Чотанка прикажет ей с позором удалиться из круга.

Уинона молчала.

И тут Камень С Рогами вышел вперёд, в середину круга, чтобы его видели все.

— Моя сестра Уинона встретила со мной в ночь перед началом праздника.

Словно порыв штормового ветра хлестнул по людям. И снова наступила тишина. Уинона только немного пошевелила рукой.

— О-о! — Шонка снова обрел речь.— Это ты, Харка, которого теперь называют Токей Ито? Я понимаю, что ты хотел бы помочь своей сестре! Но чем ты докажешь, что был ночью в прерии?

Камень С Рогами медленно подошёл к Шонке и остановился шагах в пяти от него.

— На тебе роскошный ко-

стюм вождя,— сказал он негромко,— ты, верно, совершил много великих дел! И, если уж ты, Шонка, воин, с которым можно вести разговор, я докажу тебе, что был ночью в прерии. Но скажи мне сперва, где скальпы убитых тобою врагов?

— Мы собрались на танцы девушек, а не на состязания воинов... Я видел двадцать четыре зимы...— произнёс Шонка и замолк.

— Двадцать четыре зимы ты видел и ни одного убитого врага? Понимаю, ты мирный человек и не хочешь поднимать на врага нож. Зато ты охотно сражаешься с девушками и твоё оружие — ложь! Но берегись! Это тоже может оказаться опасным! У девушек есть братья, отцы, и ты заметил это слишком поздно. Разрешите сказать Грому Гор.

Гром Гор вышел вперёд:

— Мой брат по племени Камень С Рогами в ночь перед началом праздника выезжал в прерию и утром вернулся в палатку. Это правда.

Окружающие были удовлетворены. Девушка, умеющая врачевать раны, и Камень С Рогами, воин, победивший в состязаниях, нравились всем. Слова Грома Гор вызвали шумное одобрение.

Шонка отступил. Шестеро ярко раскрашенных распорядителей достойно приняли клеветника, наовав ему тумачов и зуботычин. Глашатай объявил от имени верховных жрецов и вождей, что все девушки выдержали испытание и могут принять участие в танце.

До вечера веселились молодые люди трёх племен. Насмешливая Синица, как всегда не удержалась, чтобы не посмеяться над Бродящим По Ночам, но никто в смехе не таил зла, и молодые люди могли отвечать девушкам тоже острым словом.

Вечером Гром Гор сопровождал Ситопанаки к отцовской типи. Он был весел, но девушка оставалась серьёзной.

— Твой друг родился дакотой,— сказала она,— остался им и будет дакотой...

ЕДВА рассвело, а сиксики, ассинобойны и дакоты уже собирались на любимое зрелище.

Представление должно было начаться с разговора между Матотаупой и Харкой, когда отец сообщает сыну о своем плане. Камень С Рогами поспешил на условленное место, где был заранее разложен костёр, и ждал отца. Матотаупа и его сын прекрасно владели собой. Никто бы не мог сказать, что для них теперь так необычно сидеть вместе у костра и вести спокойную беседу.

— Там пятьдесят воинов-ассинобойнов, отец! — громко произнёс Камень С Рогами.

— Но я — Матотаупа.

И он стал сейчас прежним Матотаупой. Его глаза горели, непреклонная воля выражалась на его лице, спина его распрямилась, он гордо озирался по сторонам. Он посмотрел на сына, как смотрел когда-то, давно, и Камень С Рогами сначала отвёл глаза в сторону, потом глянул отцу в ли-

цо и уже больше не отводил взгляда.

— Ты и должен быть Матотаупой,— тихо произнёс он,— ничего больше мне и не надо.

Игра началась. Наибольший успех у зрителей вызвал момент, когда Матотаупа, то подражая мычанию бизонов, то издавая военный клич дакотов, уводит ассинобойнов далеко от стада и скрывается. Громкими криками зрители выражали восхищение проделкой Матотаупы, а дакоты ещё раз поняли, какого воина потеряли.

Миновал полдень. Во время перерыва между представлениями к Камню С Рогами подошёл юноша-дакота и сообщил, что Тазунка Витко ждёт его и хочет вручить ему ружьё, которое сыграло в свое время большую роль. Камень С Рогами попросил Грома Гор пойти с ним. Молодые воины подошли к группе верховных вождей. Тазунка Витко вышел им навстречу. В руках у него была двустволка, которая и до сих пор оставалась вполне современным оружием. Камень С Рогами узнал мацавакен. У него было странное чувство, когда он снова взял в руки ружьё, подаренное ему Рэдом Джимом, человеком, который тогда вызывал у мальчика восхищение.

Глашатай объявил о начале нового представления. Тазунка Витко и Матотаупа дали слово, что они преодолеют взаимную неприязнь и не нарушат спокойствия праздника. Вот почему оружие у них не отбиралось.

Восторженными криками сопровождалось единоборство вождей, которое, как и много лет назад, проходило с таким же упорством и напряжением сил. Матотаупа тяжело дышал. Ему эта игра доставалась значительно труднее, чем когда-то подлинная борьба, и если бы Тазунка Витко действовал теперь по-серьёзному, он бы оказался победителем, прежде чем подоспели пятеро сиксиков.

После окончания сцены лицо Матотаупы осунулось.

Действие следовало за действием. События разыгрывались так естественно, что зрители невольно воспринимали их как самую неподдельную реальность. И не только у мальчиков горели щёки...

И снова наступил вечер. До появления первых звёзд люди не расходились по палаткам и продолжали спорить о том,

что бы произошло, если бы на помощь Матотаупе не подошли пятеро воинов-сиксиков, на чьей стороне была бы тогда победа? И даже девушки рассуждали о том, как был взят в плен и убежал Тазунка Витко.

На следующий день в качестве заключения торжества предстояла культовая жертва Солнцу...

С наступлением темноты во многих палатках уже раздавалось пение обрядовых песен, которые вождям и воинам предстояло петь всю ночь, чтобы торжественно встретить наступающий день жертвы Солнцу. Звуки её были тихими и мягкими. И дети приутихли, но не от усталости, а от того таинственного настроения, которое всё больше и больше овладевало лагерем.

Перед палаткой сиксиков лежал длинный ствол пихты. Камень С Рогами и Гром Гор знали, что это подготовлено для культового столба.

Послышался топот копыт. Молодые всадники привезли издалека пихтовые и еловые ветки. Старейшие и высокоуважаемые женщины принялись делать из них невысокую изгородь вокруг культовой площадки.

КОГДА Камень С Рогами и Гром Гор поели, Горящая Вода сообщил, что ночь

молодые воины должны провести со жрецом.

Оба молодых человека пошли к жрецу. В полутьме его палатки их окутало какое-то особое благоговение. Это был мир жреца. Проницающая сила этого человека воздействовала на каждого, кто был воспитан на вере в силу духов.

Жрец долго молча смотрел на них, шевеля губами, потом спросил Камня С Рогами:

— Ты дакота?

Камню С Рогами однажды уже был задан такой же вопрос, и он не смог на него ответить. Молчал он и на этот раз.

— Ты сиксик?

Молодой воин только плотнее сжал губы.

— Кто же ты?

Камень С Рогами уже дважды в своей жизни молчанием отвечал на этот вопрос. Молчал он и сейчас.

— Было бы лучше, если бы ты не проходил танец Солнца. Ложь равносильна смерти — так справедливо говорят наши старые и умудрённые опытом воины из союза людей, «Которые говорят только правду». Ты слышишь?

— Я слышу.

Камень С Рогами смотрел на жертвенный нож.

Перевод А. А. Девеля,
А. П. Ломана

(Продолжение следует)

**Ум хорошо,
а два лучше**

— Ум хорошо, но два ума
Задачу облегчат весьма.
— Есть у меня один приём,
Давайте пробовать втроём.
— Втроём замучаетесь вы,
Нужны четыре головы.
— Не мог я к вам не подойти,
Задача ваша для пяти.
— Простите, вшестером верней!
— Позвольте, семерым видней...—
Но тут восьмой в одно мгновенье
Задачи верное решение
Явил во всей его красе.
— Ум хорошо! — сказали все.

**Учение — свет,
а неученье — тьма**

Сто раз я слышал изречение это.
Но почему же так темна зима
И солнечно коротенькое лето?

**Назвался груздем —
полезай в кузов**

Клянусь вам, я не назывался.
Возможно, где-то зазевался.
И назван был. На столько вкусов
Не угодишь. Всё очень сложно.
Ну, ладно, ладно, лезу в кузов.
Простите, а в кабину можно?

**Пуганая ворона
и куста боится**

Не просто так боится —
Встревожена догадкой,
Что за кустом таится
«Бандит» Круглов с рогаткой.

«ГОРЯТ ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ ЛУНЫ, НА ВЫГНУТЫХ, ТОНКИХ СТЕБЛЯХ...»

Идёте вы по вечернему городу, и через каждые 50 метров вам попадаете уличный фонарь. Один, другой, третий...

Уличные фонари... К ним мы привыкли как к чему-то очень обыкновенному, без чего и города не может быть. Чаще всего горожане обращают внимание на уличные фонари только тогда, когда они почему-то не горят. А зря. Ведь уличное освещение городов имеет долгую и довольно интересную историю...

Около 250 лет назад, осенью 1723 года, на улицах Петербурга впервые в истории русских городов зажглось 595 фонарей. Это было событием! О фонарях, осветивших центральные улицы города, говорили все петербуржцы, о них писали в газетах, о них доносили в своих докладах многочисленные послы и посланники, которых при русском дворе того времени было великое множество: все европейские государства с тревогой и опасением следили за энергичными действиями царя Петра, решившего превратить отсталую боярскую Русь в передовое европейское государство.

Конечно, после блистательных побед русского оружия при Полтаве, Гангуте, Гренгаме появление фонарей над Невой — событие не очень-то серьёзное. Но это только на первый взгляд.

Вспомним историю. В Париже первые уличные фонари были установлены в 1667 году, и в честь этого события была выбита памятная медаль. В Берлине они зажглись в 1682 году, в Лондоне только в 1690. А ведь все эти европейские столицы уже имели многовековую историю! И вдруг русская столица Петербург через 20 лет после основания «на топких, низких берегах» организует постоянное уличное освещение! Было чему удивляться западным дипломатам...

Но вернемся к первым 595 петербургским фонарям. Все они были установлены на центральных улицах. К ним следует добавить еще четыре фонаря, которые стояли возле петровского Зимнего дворца на берегу Невы. Именно они-то и побудили Петра I дать приказ об организации постоянного, или, как тогда говорили, регулярного, уличного освещения.

Что же это были за фонари? Как они светили? Скажем прямо, светили они очень плохо. Часто

гасли, да к тому же были еще не безопасны для прохожих: шипели и разбрызгивали во все стороны конопляное масло. Недаром же спустя целое столетие (а именно столько просуществовали конопляные фонари) Николай Васильевич Гоголь в повести «Невский проспект» писал: «Далее, ради бога, далее от фонаря! И скорее, сколько можно скорее, проходите мимо. Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он зальёт щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом...»

Да и внешний вид первых петербургских уличных фонарей, увы, не мог радовать взора прохожих. Судите сами: деревянный столб, окрашенный белыми и голубыми полосами. На железном пруте к нему прикреплен шарообразный светильник из стекла. В нём помещалась масляная коптилка. Проще не придумаешь! Обслуживали эти фонари специальные люди — фонарщики. С лестницей на плече они бегали от фонаря к фонарю, зажигая или гася их.

Фонарщики даже удостоились чести попасть в школьные учебники. В одном из них приводилась такая задача: «Фонарщик зажигает фонари на городской улице, перебегая с одной панели на другую. Длина улицы — верста 300 сажен, ширина — 20 сажен, расстояние между соседними фонарями — 40 сажен. Скорость фонарщика — 20 сажен в минуту. Спрашивается, за сколько времени он выполнит свою работу?» Попробуйте решить эту задачу.

Начало XIX столетия ознаменовалось борьбой России против наполеоновского нашествия. Русский народ стяжал в этой борьбе славу непобедимого. Звон мечей на поле брани нашёл своё отражение и в уличных фонарях... После Отечественной войны 1812 года их стали отливать из чугуна. Ну что здесь особенного, скажете вы: были фонари деревянные, стали чугунными. Ан нет! Теперь фонарь стал произведением подлинного искусства, непременным элементом архитектурного убранства Петербурга, его украшением, его неповторимой особенностью, его стилем. И проектировать уличные фонари стали теперь замечательные русские архитекторы и скульпторы: Росси, Соколов, Клодт, Монферран, Штакеншнейдер, Стасов.

Наш город очень часто называют городом-музеем мостов. С неменьшим основанием его можно было бы назвать городом-музеем уличных фонарей, — так их много и настолько они разнообразны по своей форме и внешнему облику. Фонари на гранитных обелисках — это конец XVIII века, на чугунных столбах и вмонтированные в скульптурные композиции — это век XIX и начало XX, на железобетонных опорах, подвешенные на тросах посередине улиц и набережных, — наше время.

Фонари Банковского мостика через канал Грибоедова никогда не спутаешь с фонарями Иоанновского моста, фонари Невского проспекта с фонарями Садовой улицы, фонари, освещающие набережные Фонтанки, с фонарями на Кировском мосту... Каждый из них не только светит, но и украшает то место, где он стоит.

Новой и значительной вехой в истории уличного освещения Петербурга явилось создание в 1835 году «Общества освещения газом Санкт-Петербурга». В 1839 году это общество установило на улицах столицы 204 газовых фонаря. Введение газового освещения было несомненным шагом вперёд — свет газовых фонарей был во много раз ярче, нежели масляных.

Сто лет назад — в начале 70-х годов, в России почти одновременно были изобретены два вида электрических ламп, пригодных для практического освещения, в том числе и уличного. В 1872 году замечательный русский учёный Александр Николаевич Лодыгин создал первую в мире электрическую лампу накаливания с угольной нитью. Летом 1873 года он демонстрировал её на Одесской улице, сохранившей это название и до наших дней.

Успех ламп Лодыгина был огромным. Как писали современники, в тот вечер столичные жители, кто пешком, кто на извозчиках отправились смотреть новое изобретение. «Вдруг из темноты, — вспоминает очевидец, — мы попали на улицу с ярким освещением. В двух фонарях керосиновые лампы были заменены лампами накаливания, изливавшими яркий белый свет». Многие принесли с собой газеты и сравнивали расстояния, на которых можно было читать их при керосиновом освещении и при свете электрических ламп. Нужно ли говорить, что это сравнение было не в пользу керосина...

Изобретение А. Н. Лодыгина было высоко оценено русскими учёными: в 1874 году Петербургская академия наук присудила ему Ломоносовскую премию. В том же году учёный основал в Петербурге «Товарищество электрического освещения», которое ставило своей задачей налаживание массового производства ламп накаливания и практического их применения для освещения улиц и зданий.

Но смелым, планам учёного не суждено было сбыться: не получив поддержки ни от правительства, ни от городских властей, «Товарищество» вскоре прекратило свое существование...

Подобная же судьба постигла и другое русское изобретение — электрическую свечу Яблочкова, названную во всём мире «русский свет». В России официальные власти её не признали и даже не выдали патент. Между тем за рубежом шествие «свечи Яблочкова» было торжественным. «Русский

свет» осветил театры и улицы Парижа, развалины Колизея в Риме, улицы и площади древнего Лондона. Он вспыхнул даже во дворце короля Камбоджи! И только в России, давшей миру этот удивительный свет для освещения домов и улиц, всё так же продолжали применять светильный газ и керосин.

Положение спасли энтузиасты электричества. Вопрос они решили просто: предложили смонтировать электростанцию для освещения Невского не на земле, а на речной барже. Так и было сделано. И в конце декабря 1883 года Невский проспект от нынешней улицы Герцена до Фонтанки осветился электрическими фонарями.

Здесь следует отметить, что одним из энтузиастов освещения главной магистрали русской столицы электричеством был великий изобретатель радио Александр Степанович Попов.

Вот, что писала одна из газет по этому поводу: «Первая проба электрического освещения Невского проспекта производилась 24 декабря 1883 года, причём были пущены в дело все 32 фонаря, расположенные по проспекту; 25 декабря пробовали осветить только одну половину улицы, оказалось, что и этого половинного количества достаточно для удовлетворительного освещения». Трудно читать в наши дни этот репортёрский отчёт без улыбки: что бы сказал автор этой заметки о сегодняшнем Невском, буквально залитом светом? Ведь сейчас на Невском проспекте по вечерам зажигается более 600 мощных электрических светильников! А какое море огня дают ещё многоцветная реклама, ярко освещённые окна, витрины, софиты и прожекторы, подсвечивающие памятники архитектуры и скульптуры! Не говоря уж о праздничной иллюминации.

В канун XX столетия в нашем городе было всего 213 электрических фонарей. В 1915 году число их едва достигло трёх тысяч. По-прежнему неизменной фигурой петербургской улицы был фонарщик.

Ну, а сколько же времени требуется сегодняшним фонарщикам, для того чтобы осветить город от Рыбацкого до Парголова, от Сосновой Поляны до Приморского шоссе? Ведь наш город растёт не по дням, а по часам! Границы его всё время расширяются, а значит растёт и число уличных фонарей — их уже почти 130 тысяч. Прибавьте к ним более сотни памятников архитектуры и скульптуры, которые подсвечиваются мощными прожекторами и софитами. На первый взгляд, зажечь их — дело очень длительное и трудоёмкое. На самом же деле всё происходит довольно просто: для того чтобы осветить весь наш город из края в край, необходимо не больше трёх минут.

Да и людей, которые сегодня щедрой рукой разбрасывают по вечернему небу яркие гроздья электрических огней, как-то не очень удобно называть старым словом «фонарики», — большинство из них имеют высшее или среднетехническое образование и работают по точным графикам, составленным Пулковской обсерваторией. В этих графиках чётко указано, в какое время каждого дня года должны быть включены или выключены уличные фонари. Но и это еще не всё. Ленинградская погода капризна и не всегда подчиняется научным графикам и прогнозам. Очень часто среди бела дня вдруг надвинутся низкие свинцовые тучи и какой-то район города окутается мглой. По графику включать освещение в это время и в данном районе ещё не положено, но наступившая темнота на улицах грозит серьёзными последствиями — уличное движение становится опасным. В таких случаях на помощь диспетчеру треста «Ленсвет» приходят специальные фотоэлектрические приборы, установленные во всех районах на крышах домов. Они чутко реагируют на изменение освещённости и, как только она падает, немедленно дают сигнал, подчиняясь которому, диспетчер включает уличное освещение там, где стало темно.

Ровно в час, по издавна заведённому в нашем городе порядку, две трети фонарей будут выключены — Ленинград перейдет на ночное освещение... На рассвете приборы дадут новую команду: «Включить свет!».

Но есть в Ленинграде время, когда надобность в работе фонарей полностью отпадает, — время знаменитых белых ночей, когда «одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса». Почти два месяца в году наши фонари имеют «законный отпуск»; зачем же светить, когда и так светло? Однако это не значит, что в это время уходят в отпуск все работники треста «Ленсвет». Как раз наоборот, именно в это время они напряжённо трудятся: за этот короткий срок нужно привести в полный порядок кабельную сеть, пункты питания энергией, заменить все временные схемы, рождённые ростом города, отремонтировать и вымыть все фонари, чтобы они снова и снова не только светили нам, но и украшали наш Ленинград, который по праву можно назвать городом-музеем уличных фонарей.

А ВОТ ОНО —

* ЧУДО *

А. Шафров
**ХИТРЫЙ
БУРУНДУК**

Рисунки Г. Ясинского

Хороша осень в Приамурье! Особенно сентябрь. Дни стоят солнечные, тёплые. Тайга разукрашивается всеми цветами радуги, из которых жёлтый постепенно вытесняет все другие. Желтеют берёзки, тополя, черёмуха, лиственница. Ярко расцветается осинка, клёновый лист. Только дальневосточные дубки долго сохраняют свой тёмно-зелёный цвет, покачивая крупными, как из жести вырезанными, листьями.

Высокая трава, переплетённая мышиным горошком, двухметровые «медвежьи дудки», мелкие, колючие кусты шиповника и валежника заполняют промежутки между деревьями. Трудно ходить по такой тайге. Ноги приходится выдирать из вцепившейся в них травы, а руки держать наготове, отводя лезущие в глаза ветки и сучья.

Зато лесных даров в тайге предостаточно! В траве прячутся крепкие белые грузди, там где трава поменьше, встречаются подберёзовики, сыроежки, моховики. Заманчиво выглядят из своих зелёных футлярчиков орехи. Ягоды лимонника, кислые на вкус, быстро восстанавливают силы уставшего путника.

Начало осени — пора заготовок лесных даров у таёжных обитателей. Хлопочут мыши, собирая опавшие семена, съедобные злаки. Старательно работают белки, развешивая на просушку грибы, засовывая их в развилки сучьев. Однако старательнее всех занимается заготовками припасов на зиму бурундук.

Рыжеватый зверёк с тёмно-бурыми продольными полосками на спине, смахивает на белку, наряженную в пижаму. Только размером он поменьше, и пушистый хвостик его значительно беднее шикарного белкиного хвоста. Бурундук — сибиряк и дальневосточник. Встречал я его в Уссурийской тайге, на Колыме, в Якутии, в Забайкалье, на Енисее.

Бурундук отлично лазают по деревьям, но предпочитает бегать по земле, залезая на дерево только в случае опасности или за орехами. Если его загнать на дерево (а взбегаёт он молниеносно и сразу прячется за ближайший сук), а потом постучать по стволу, то бурундук в отличие от белки не лезет выше, а начинает быстро спускаться по стволу головой вниз, с 3—4 метров прыгает на землю через головы стоящих вни-

зу людей и удирает со всех ног. Догнать его на земле невозможно. Нырять из-под одной кучи валежника под другую, от одного куста к другому, меняя направление, прячась, он быстро сбивает с толку преследующего и спокойно исчезает. Полосатая шкурка отлично маскирует зверька в расцвеченной разными красками осенней тайге, в игре светотени, и стоит ему замереть в неподвижности, как он исчезает из глаз, будто растворяется в буйном разнолесье.

Сейчас бурндук трудолюбиво готовит запасы на зиму. Орехи, жёлуди, ягоды — всё годится. Но собрать запас — это ещё полдела. Нужно его сохранить, чтобы с трудом собранные продукты не испортились, не погнили, не заплесневели. Позаботился бурндук и об этом. У него всё оборудовано. Его «двухкомнатная квартира» состоит из кладовки и маленькой спальни рядом. Устроена эта «квартира» в сухом месте, глубоко под корнями деревьев с тщательно замаскированным входом. Собранные припасы лежат на подстилке из сухой травы или мха, и не как попало, а по сортам.

Найти это убежище чрезвычайно трудно, а проследить путь бурндука к норе невозможно. К своему дому он бежит зигзагами, скрываясь в траве, хворосте, останавливаясь, прислушиваясь, словом, соблюдая все правила предосторожности. И правильно делает. Ведь склад бурндука, в котором хранятся отборные орехи, не считая желудей и ягод, — завидная добыча. Медведь и белка с удовольствием воспользуются готовыми запасами, причём косолапый не прочь закусить и самим хозяином. Медведь очень серьёзный враг бурндука. Острым чутьём он определяет место его квартиры, а раскопать её для медведя особого труда не составляет.

Для деревенских мальчишек такой «склад» просто мечта! Только бы найти его! Вот и прячет зверёк свое добро от чужих глаз и носов.

Среди таёжников-охотников существует легенда, что бурндук, у которого разграбили склад, с горя кон-

чает жизнь самоубийством, что в тайге даже находили бурндуков, повесившихся на тонких, но прочных нитях стеблей выющихся растений.

Много у бурндука врагов. За ним охотятся лисы, куницы, соболь, сверху тоже грозит опасность — от хищных птиц. Приходится быть осторожным, хитрым, ловким и всё время на чеку.

Но самое страшное — это охотник с собакой. Хотя и не очень ценная у бурндука шкурка, но всё же считается пушниной.

От этой опасности спасенья нет. На дереве — ружье достанет, в земле — собака найдёт. И всё же бурндук умеет постоять за себя.

Бурндук — зверёк необщительный. В норе живёт один, хотя запасов наготовляет на десяток. Наверное, характер у него неуживчивый. Если двух бурндуков посадить в одну клетку, начинается драка, в результате которой более слабый погибает. Бурндучата, которые появляются на свет в начале лета в количестве 5—6 братишек и сестрёнок, живут с мамой в одной норе только до появления признаков самостоятельности. Потом молодёжь выходит в широкий, интересный и опасный мир, и на этом родственные отношения заканчиваются. Каждый становится сам себе хозяином и каждый

беспокоится о себе тоже сам, строит нору, готовит запасы.

Зимой бурундук спит, изредка просыпаясь, чтобы подкрепиться своими запасами, которых у него хватает до нового урожая.

Весной в тайге можно найти кучки орехов и желудей, аккуратно лежащих на сухом месте, на солнышке. Это бурундук сушит и проветривает свои продукты. Тоже заботы хватает! Нужно следить, чтобы не украли и чтобы не нарушить маскировку склада и, наконец, чтобы самого кто-нибудь не съел. Весной, конечно, голодно в тайге, но бурундука это не касается. Ему ничего не нужно, своего-то не съесть, а там, глядишь, появятся разные новые вкусные стебельки, потом ягоды, и, наконец, новые орехи закачаются на ветках.

В одной из экспедиций довелось мне познакомиться с бурундуком поближе. Наша изыскательская партия работала в Приамурье, выбирая место для будущей автомобильной дороги.

В тот день, притомившись после длительной ходьбы, я присел отдохнуть на упавшее дерево. Солнце просвечивало сквозь листву, бросая яркие блики на деревья и кусты. Тихо, тепло. Слышен звон запоздалых комаров и басовитое гудение работягишмеля.

Вдруг впереди что-то мелькнуло. Вглядевшись, я увидел бурундука, который сидел на пенёчке метрах в трёх и, нервно подрагивая вертикально поставленным пушистым хвостиком, внимательно разглядывал меня тёмными бусинками глаз. Я сидел не шевелясь и, со своей стороны, наблюдал за зверьком.

Бурундук бежал меня с другой стороны и снова начал разглядывать. Налобовавшись вдоволь и, видимо, не усмотрев в моей фигуре ничего опасного, он деловито полез на лещину за орехами. Раскачиваясь на ветке, как гимнаст на трапеции, бурундук отгрыз футлярчик с орехом, устроился на толстом сучке и, придерживая добычу передними лапками, быстро вынул орех из футлярчи-

ка, мгновенно записал его за щеку, отчего стал похож на большого флюсом. Затем снова полез за другим орехом, и всё повторилось сначала. Убедившись, что орехи больше за щеку не лезут, он спустился с лещины и сразу исчез. Я встал. Раздался тревожный свист, вдалеке раз мелькнула его полосатенькая шубка и больше не показывалась.

«Нелёгкая же у тебя работа!» — подумал я.

На другой день, примерно в этом же месте была прорублена узенькая просека по трассе будущей дороги, и на ней техник Володя Филонов устанавливал теодолит. Нацелив тру-

бу теодолита вперёд по трассе, мы с Володей решили пройти по просеке и наметить место для следующей стоянки инструмента. Повесив на дерево ненужный сейчас накомарник, Володя положил в него завернутые в бумажку бутерброды, приготовленные на обед, а термос с чаем поставил под дерево.

Отсутствовали мы недолго, всего минут двадцать. Возвращаясь к теодолиту, Володя еще издали заметил, что накомарник подозрительно обвис и раскачивается на завязках.

— Смотрите-ка! Не иначе в накомарнике кто-то сидит! — сказал Володя и, быстро подбежав, зажал рукой горловину накомарника. Сквозь

чёрную сетку, вперемишку с бумагой от бутербродов и самими бутербродами, мелькала полосатая шубка отчаянно барахтавшегося бурундука.

— Вот это добыча! — обрадовался Володя, махнув рукой на пропавший обед. — Давно я мечтал бурундучка поймать, а тут он сам попался, без хлопот!

— Отпусти ты его! — пожалел я бурундука, вспомнив вчерашнего работягу.

— Нет уж! Сам ко мне залез! Теперь я его в Ленинград возьму. Будет у меня жить вместо белки. Вот ребята-то будут рады! — размышлял Володя.

Бурундуки очень любопытны, и это часто приводит их к неприятностям. Так вот получилось и на этот раз. Обуреваемый любопытством бурундук решил обследовать странный предмет на дереве и то ли свалился в накомарник, то ли нарочно влез в него, чтобы поближе познакомиться с бутербродами, осталось неизвестным. В общем, бурундучок оказался в плену.

С предосторожностями, не подставляя палец, который он может пропнуть своими острыми зубками, плешника пересадили в футляр от теодолита и вечером доставили на базу партии в деревню Валуево. Наших была сколочена временная дере-

вянная клетка, положен корм — орехи, сухари, вода и подстилка из мягкого войлока.

Пленник забился в уголок, сжался в комок и замер в ожидании дальнейших неприятностей. Наутро бурундука в клетке не оказалось. Найдя подходящую щель, он ее расширил и был таков.

— Удрал-таки, проходимец! — сокрушался Володя, трогая пальцем края аккуратно прогрызенного отверстия.

— Ну и молодец! — не проявил никакого сочувствия к товарищу геолог Юра Рулле, — лес рядом, успеет и нору найти и запасы сделать.

Что ж делать: удрал так удрал. Немного посетовали и... забыли. Так бы и осталась эта история интересным воспоминанием, если бы бурундук вновь о себе не напомнил.

Обычно, возвращаясь с трассы, ребята приносили из тайги орехи: в сумках, шапках, карманах — и складывали в рюкзак, стоявший в кладовке.

— Теперь вам ещё чистить орехи нужно, да и плохих, наверное, много, — говорил наш хозяин Михаил Яковлевич, — вы бы лучше склад бурундука поискали — и чистить не нужно и плохих нет.

— Так это же грабёж! — возмущался Юра. — Ведь он же с голоду подохнет!

— Ну какой же это грабёж? Вы всё не берите, оставьте ему немножко. Мы же берём у пчёл мёд и считаем нормальным, — уговаривал нас хозяин, как будто склад уже найден и стоит вопрос о его использовании.

Но никакого склада на примете не было, а наши орехи лежали в рюкзаке, ожидая свободного времени. Прошло несколько дней. Как-то вечером Юра заходит в комнату, держа на ладони кучку ободранных зелёных футлярчиков от орехов.

— Это что ж такое? Орехов-то нет! Одна шелуха и кое-где орешек, да и тот пустой. Кто это так набеобразничал? Да ещё шелуху обратно положил. Не жалко орехов, но хоть спросил бы! — Юра возмущённо бросил мусор в ящик около печки.

Рюкзак подвергся тщательному обследованию. Действительно, орехов в рюкзаке осталось совсем мало, зато шелухи было достаточно.

— Признавайся, ребята, кто орехи слопал? — настаивал Володя. — Просто интересно!

Все недоверчиво поглядывали друг на друга и молчали. Через пару дней, когда запас орехов в рюкзаке был восстановлен, обнаружился и ворюшка. Наша повариха Вера, зайдя днём в кладовку, увидела, как из рюкзака вылез бурундук с туго набитыми защёчными мешками и юркнул в щель между досками пола. Вот, оказывается, кто ограбил рюкзак!

Бурундучок не удрал в тайгу, как мы предполагали, а удобно устроился под полом кладовки и, оборудовав себе жильё, начал заготовку продуктов. Наверное, с точки зрения бурундука, было глупо возвращаться в лес, искать нору, потом лазать по кустам, собирая орешек за орешком, когда здесь всё почти готовое. Отличное жильё: сухо, тепло, правда, мышей пришлось выгнать перед заселением. Орехов — полный мешок, только не ленись работать! Да и меню здесь разнообразнее — ящик с макаронами, галеты, крупы разные. Нет, безусловно, в тайгу бежать незачем! И бурундучок прочно обосновался на новом месте, не помышляя о бегстве.

Сначала он стеснялся и воровал скрытно. Потом быстро привык к людям и макаронины из ящика вытаскивал чуть ли не на глазах у повара. Правда этот «негабаритный» товар не пролезал в щель, ведущую в его «квартиру», причиняя массу хлопот. Приходилось макаронину разгрызать на части и по кусочкам затаскивать домой.

Как-то Юра искал в кладовке рукавицы и наткнулся на аккуратную кучку орехов, лежащих в углу за ящиком неподалёку от щели.

— Смотри-ка! Всё-таки есть у нашего бурундука совесть! — сказал Юра, забирая орехи в карман. — Не всё уволок к себе, решил и с нами поделиться!

Но радость была преждевременной. Все до одного красивые с виду

орехи оказались пустыми или некачественными.

— Вот это специалист! — восторгался Володя. — Как это он определяет качество ореха не разгрызая его?! Ну пустые, наверное, по весу, а плохие — по запаху, что ли?

После краткого совещания решили мы бурундука не тревожить. Уговорили Володю для доставки в Ленинград поймать другого, а этот, уже как свой, пусть живёт на свободе. Место его склада, который должен, наверное, быть шикарным по ассортименту, — держать в тайне и в него не заглядывать.

Нам скоро уезжать, а ему здесь оставаться на зимовку. На следующую весну мы вернёмся снова, и если он к тому времени не удерёт в тайгу искать себе подругу, то нас будет здесь встречать старый знакомый. Как решили, так и сделали. Специально для него приносили орехи и жёлуди, откладывали галеты и макароны. Бурундук продолжал делать запасы, не особенно стесняясь чужих глаз, как будто догадывался о нашем решении.

В Ленинград Володя всё же привёз бурундучка, как две капли воды похожего на нашего ворюшку. Поймал он его на трассе в сачок, когда тот прыгал с дерева, пытаясь удрать. Сейчас он живёт у Володи в просторной клетке, в которой сделан домик и устроено из хвороста и сухой травы подобие кусочка тайги, даже с корявым суком посередине. Яшка (так называли бурундучка) быстро освоился, и если первое время больше сидел в домике, то вскоре в свою «квартиру» стал залезать только на ночь. Аппетитом обладает отменным. Любит яблоки и морковь, хотя в тайге они не растут. Яшка очень чистоплотный и аккуратный. Всё время чистится и причёсывается. Туалет устроил себе в дальнем углу клетки, на строго определённом месте, и санитарные условия не нарушает.

Уже берёт из рук угощение — орехи, ломтики морковки, печенье и даже разрешает немного погладить

себя по спинке. От таёжных привычек избавиться никак не может и первое время начал в домике устраивать продовольственный склад, который здесь ему совсем ни к чему. Потом, видимо, он это понял и постепенно к заготовкам охладел.

Яшка отчаянный грызун. Чтобы он не изгрыз свой домик, в клетку ему кладут брусочек дерева, на котором он и упражняется. Из клетки выпускать Яшку нельзя. Его просто не поймать потом. А оставлять на свободе рискованно: можно лишиться ботинок или туфель.

Иногда из клетки слышно мелодичное посвистывание. Это Яшка в

хорошем настроении с любопытством наблюдает за окружающим миром. Но бывает, что во время сна вдруг раздаётся тревожный громкий свист, Яшка вскакивает и начинает метаться по клетке. Наверное, ему снятся тревожные сны — тайга и его исконные враги. Успокоившись, он сжимается в комок и засыпает снова.

С приближением зимы Яшка становится вялым, малоподвижным. Чаще всего сидит в уголке и дремлет. Наверное, от этой таёжной привычки ему также не избавиться, и вот он уже в спячке. Ну что ж! Так, видимо, и должно быть. А солнце опять греет и греет...

Портрет

Уже полгода собирался Хомячок повесить свой портрет на стену. Кажется, просто: вбил гвоздь и повесил, а в жизни всё получается не так уж просто.

Так и сегодня. Достал Хомячок из-за шкафа портрет, прислонил к стене и пошёл за молотком.

Идёт и думает:

— Зачем это я иду? Не иначе как мне захотелось позавтракать.

Свернул Хомячок в столовую и плотно позавтракал. После завтрака он вспомнил, что шёл за молотком. Взял молоток и задумался:

— Зачем это мне молоток понадобился? Вернее всего, шёл я за лож-

кой, а молоток взял по ошибке. А ложка, как известно, нужна к обеду. Значит, я собирался пообедать, — догадался Хомячок и завернул в столовую.

После обеда он увидел портрет, прислонённый к стене.

— Портрет стоит не на месте, — сказал Хомячок и спрятал портрет за шкаф.

Но что-то ему не давало покоя. Что-то он должен был сделать, а что — не мог вспомнить.

— А может быть, не мешает по-полдничать? — сказал Хомячок и пошёл в столовую.

После еды Хомячок вспомнил, что надо бы повесить портрет. Стал его искать и нигде не мог найти.

— Как в сказке, — ворчал Хомячок, — сейчас только был портрет и уже нигде нет.

За шкафом Хомячок не искал. Когда он ставил за шкаф портрет, он ясно видел, что там никакого портрета нет, а больше искать было негде.

Ходил, ходил Хомячок и задумался:

— Что-то мне было нужно, а что? И вдруг улыбнулся.

— Как это я сразу не догадался? И Хомячок побежал ужинать.

После ужина он лёг спать и, засыпая, вдруг вспомнил, что собирался повесить на стену свой портрет.

— Завтра повешу, — сказал Хомячок. — Утро вечера мудреней.

Ловушка для ослов

Медведь делал большой ящик с дверцей.

— Что ты, Мишенька, делаешь? — спросил Козёл.

— Ловушку для ослов, — ответил Медведь.

Козёл встал в сторонке и задумался:

«Как это Медведь будет ловить ослов?»

Когда Медведь ушёл, Козёл подкрался к ящичку.

На дверце было написано: «Ослам не входить!»

«Почему не входить? Как же тогда поймать осла, если он не войдёт?»

Козёл толкнул дверцу. Дверца легко раскрылась, он заглянул. Пусто.

— Осёл сюда входить не будет, — рассудил Козёл. — Здесь ничего нет съедобного. А если войдёт, то свободно выйдет, так как дверь свободно открывается. — Но, может быть, здесь есть секрет? — сказал Козёл и стал рогами толкать в стенки ящичка.

И вдруг ящик упал и закрыл собою выход.

— Ну, косолапый, — возмутился Козёл, — не мог ящик поставить по-лучше!

Стал Козёл звать на помощь. Пришёл Медведь и сказал:

— Не успел отойти, как уже один осёл попался.

Хотел Козёл крикнуть, что он не осёл, да услышал голоса соседей. Всем хотелось посмотреть на осла.

Медведь поднял ящик, хотел открыть дверцу, но изнутри её держали.

— Не хочет выходить, — сказал Медведь, — ослы обычно выходят ночью. Придётся подождать.

Поздно ночью Козёл выбрался из ловушки и кустами помчался домой.

С о в а - ю м о р и с т к а

Сова никогда не шутила.

— Сова, пошути! — говорили ей. — Ты что, хуже других?

Однажды в компании Сова сказала:

— Сейчас я буду шутить.

Все засмеялись.

— Я придумала одну шуточку, вы животы надорвёте!

Снова смех.

— Тише! — кричала Сова, — успокойтесь! — Но её уже никто не слушал.

— Ну Сова! Ну юмористка! — говорили о ней.

— Не хотите и не надо, — обиделась Сова и ушла.

Дома она долго ворчала:

— Глушцы! Над чем смеются? А я им такую шуточку приготовила! И Сова, набрав воздуха, закричала: — Тарарам-бурамам, ух-ух! — и так вдруг засмеялась, как ещё не смеялась в жизни.

Долго она не могла успокоиться, а потом сказала:

— Уж если смеяться, так только над тем, что по-настоящему смешно!

Рис. А. Курушина

РЕКОРДЫ КОНЬКОБЕЖНОГО СПОРТА

САМЫЕ массовые марафонские соревнования конькобежцев проводятся в Голландии. Дистанция длиной свыше 200 километров проходит по каналам и озёрам через 11 городов Фрисландии — северной провинции страны. На старт выходит до 10—12 тысяч спортсменов. Победитель последнего такого соревнования Рейнер Папинг прошёл всю дистанцию [201,16 километра] за 10 часов 59 минут и 21 секунду.

САМАЯ первая в мире искусственная ледяная дорожка вступила в строй в 1959 году в шведском городе Гётеборге.

САМЫЕ первые коньки, изготовленные целиком из металла, были выпущены в 1850 году в США. До этого коньки делались из костей животных и из дерева, оббитого снизу железом.

САМОЙ молодой чемпионкой мира по бегу на коньках была норвежская спортсменка Лайла Шоу-Нильссен, которая завоевала это звание в 18-летнем возрасте.

САМЫЕ древние на свете коньки были обнаружены на территории СССР при археологических раскопках на берегу Южного Буга и Сухого лимана неподалёку от Одессы. Коньки, сделанные из плоских лошадиных костей, принадлежали, по-видимому, киммерийцам, жившим 3200 лет назад на территории Северного Причерноморья.

САМЫЙ первый в России каток для любителей бега на коньках был открыт в петербургском Юсуповском саду в 1865 году.

САМЫЙ первый в СССР опытный искусственный каток был сооружен в 1950 году в детском парке Дзержинского района Москвы. Каток был небольшого размера — около 120 квадратных метров — и использовался в основном для тренировок.

САМАЯ первая книга о правилах катания на коньках вышла в 1772 году в Англии, а самая древняя картина, изображающая увлечение коньками, была написана в Голландии в 1380 году.

САМЫЙ богатый «урожай» золотых олимпийских медалей собрала советская спортсменка Лидия Скобликова, которая на конькобежных дорожках Скво-Велли (1960 г.) и Инсбрука (1964 г.) завоевала шесть высших наград.

САМЫЙ первый чемпионат России по бегу на коньках состоялся в 1889 году на катке Московского речного яхт-клуба. Соревнования проводились на одной дистанции — 3 версты. Чемпионом стал А. Паншин.

САМЫМ первым из советских спортсменов был удостоен звания заслуженного мастера спорта СССР выдающийся конькобежец Я. Ф. Мельников. Это звание было присвоено ему в 1934 году.

САМОЕ САМОЕ САМОЕ

СОБРАЛ В. КОЗИЦКИЙ

ОДИН В ТАЙГЕ

Это случилось истекшим летом. В таёжном посёлке, где живут рабочие Копыловского леспромхоза, Асиновского района, Томской области, в семье Даниловых пропал сын Саша. Сразу же был организован поиск. Сашу настойчиво искали, но безрезультатно...

Саша Данилов пробыл один на один с тайгой три с половиной недели, заблудившись в зелёной глухомани. Сибирская тайга. Ночью в тёмных урманах хозяйничают медведи, рыси... Днём огромные полчища гнуса набрасываются на всё живое. Без специальных средств защиты трудно выдержать такую атаку даже несколько часов. Двенадцать суток бродил Саша по тайге. Наконец набрёл на заброшенный барак на берегу какой-то речки. Там он нашёл немного спичек, сухарей, крупы, соли и с десяток вялых картофелин. Это несколько укрепило его силы, а главное вселило уверенность, что его найдут. Из пустой консервной банки Саша сделал котелок, починил найденный складной нож...

Там, в 50 километрах от дома, на берегу речки Юксы и

нашли мальчика. Главный врач местной больницы, куда был доставлен Саша, рассказал, что уже на восьмой день мальчика отпустили домой. Длительное пребывание в тайге не отразилось на его здоровье, а главное не пострадала его психика. Она оказалась весьма устойчивой к тем испытаниям, которые выпали на долю одиннадцатилетнего школьника. Помогли ему в этом те черты характера, которые в семье Даниловых развивают в детях с ранних лет, — самостоятельность, привычка к труду.

СО ВСЕХ КОНТИНЕНТОВ

Пражанин В. Малый превратил свою квартиру в... зоопарк. У него живёт несколько десятков живых существ. Особенно гордится хозяин квартиры своей коллекцией черепах. Их у него 25, со всех континентов мира.

Недавно В. Малый побывал в Алжире. По заданию Чехословацкого энтомологического общества он

ВЫ НЕ УСТАЛИ?

Ответить на этот вопрос поможет прибор, сделанный сотрудником лаборатории Токийского университета (Япония).

Прибор сравнительно прост. На экране загораются цифры от 0 до 9. Частота их смены регулируется. Специальное устройство позволяет изменить порядок расположения цифр. Например, вместо 2, 3, 4... появляются 2, 4, 3. Утомлённый человек при определённой скорости перестаёт замечать перестановки.

По этому признаку и определяется степень его усталости.

собирает редкие образцы фауны Атласских гор. Результаты экспедиции — более 400 представителей алжирской фауны, среди которых две газели, несколько десятков змей и ящериц, сотни диковинных насекомых.

Личная коллекция Малого пополнилась скорпионом и ядовитой ящерицей.

...принято решение о строительстве первой линии метрополитена в Бухаресте! Работы начнутся в текущем году. Первая линия соединит промышленный район Милитарь в западной части города с центром и новым жилым массивом Титан на восточной окраине столицы.

...длина Невы 74 километра! Она вытекает из Ладожского озера в районе острова Орехова. За устье реки принимается створ против Невских ворот Морского торгового порта. Протяжённость Невы в черте города — 30 километров. Наибольшая ширина реки у Невских ворот 1200—1250 метров. Самое узкое место — Ивановские пороги — 210 метров. Преобладающая глубина — 8—11 метров. Наибольшую глубину Невы имеет у правого берега, против Арсенальной улицы. Здесь её глубина достигает 24—25 метров.

...в прошлом учебном году в Бразилии более 4 миллионов детей в возрасте от 7 до 14 лет были лишены возможности посещать школу. Причины — нехватка учителей и школьных помещений. В нынешнем учебном году положение не улучшилось. Когда началась запись детей в государственные школы, то уже за сутки перед школами выстроились километровые очереди.

...в оранжерее узбекского селекционера Фахрутдинова из кишлака Кибрай, недалеко от Ташкента, растут лимоны необыкновенных размеров! Вес каждого 800—1000 граммов. Лимонная роща даёт на стол ташкентцам более 10 тысяч лимонов в год, а площадь под ним около 660 квадратных метров.

...величайшему памятнику древнегреческой архитектуры Парфенону грозит разрушение! Опасные трещины избороздили весь Акрополь, на котором возвышается Парфенон. За последние 25 лет мрамор памятника от атмосферного загрязнения, вибрации, вызванной низко летающими самолётами, миллионов проходящих туристов пострадал больше, чем за все две с половиной тысячи лет своего существования.

...на берегу Ладоги, у деревни Гумбарицы, действует необычная фабрика по окраске пернатых! На пути перелётных стай установлены сети. Десятки стай попадают в приёмник, а оттуда в руки учёных. Вначале птицы детально обследуются, затем кольцуются и, наконец, последняя операция — окраска. В зависимости от дня недели орнитологи придают оперению заданный колер и отправляют птицу на волю. Теперь эту птицу учёные даже без бинокля не спугают. Новая масть помогает установить частоту перелётов внутри одного вида, время линьки. И ни одной пичуге люди не сделали никакого вреда. Проверено — химические красители, которыми поль-

зуются орнитологи, никак не влияют на существование пернатых.

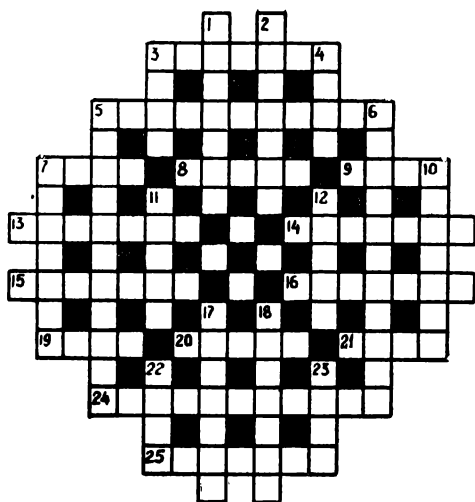
...более 64 миллионов зрителей посетило в истекшем 1974 году кинотеатры нашего города! В среднем каждый житель Ленинграда ходит в кино в течение года более 18 раз.

...во время земляных работ в районе Атендорфа (ФРГ) обнаружена сталактитовая пещера, возраст которой около 200 тысяч лет! Пещера состоит из пяти сводов, в которых находятся сталактитовые образования высотой до трёх метров.

...после одиннадцати дней скитаний по морю на бочке был спасён Иносенсиу Перейра ду Амарал — боцман бразильского судна «Тауари», затонувшего в 30 милях от столицы Гайаны Джорджтауна! Как рассказал Иносенсиу, в момент крушения ему удалось уцепиться за бочку и единственному из всего экипажа спастись. Одиннадцать суток носило бочку с человеком по морю, пока его не подобрал английский танкер.

...погоду за неделю вперёд можно предсказать, глядя вечером на... Луну! Если рожки месяца подняты, значит небо останется ясным. Если серп запрокинут к земле — жди непогоды. Силы притяжения нашего спутника вызывают в океане и в атмосфере так называемые «внутренние волны». Они возникают на стыке тёплых и холодных течений. Неожиданные вихри влекнут передвижения воздушных масс. Начинаются ливни и снегопады, штормят моря...

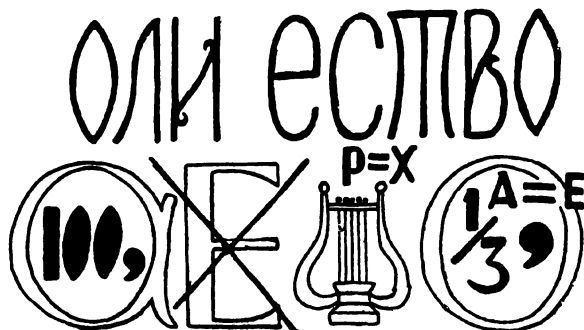

По горизонтали. 3. Белый гриб. 5. Оптический прибор-игрушка. 7. Сооружение для подземной разработки полезных ископаемых. 8. Полуобезьяна — животное, представляющее промежуточную форму между обезьянами и низшими млекопитающими. 9. Крупный порт и промышленный центр Ирландии. 13. Стихотворение с повествовательным сюжетом на легендарную или сказочную тему. 14. Полиграфическая машина. 15. Старинное название изумруда. 16. Местное наречие, говор. 19. Расплавленная масса, изливающаяся из кратера вулкана во время извержения. 20. Огнеупорная глина. 21. Затейливый рисунок. 24. Раздел астрономии. 25. Насекомое в промежуточной стадии своего развития.

По вертикали. 1. Французский скрипач и композитор, которому Бетховен посвятил свою знаменитую сонату для скрипки и фортепьяно. 2. Вид городского транспорта. 3. Мера силы ветра. 4. Кондитерское изделие. 5. Один из способов прививки культивируемого сорта на дичок. 6. Живое вещество клетки. 7. Вещество, образующееся в листьях растений в результате фотосинтеза. 10. Полуфабрикат, получаемый при производстве цемента. 11. Народность, живущая разбросанно в Приморском и Хабаровском краях РСФСР. 12. След движущейся точки. 17. Архитектурно-художественный стиль, отличающийся декоративной пышностью и вычурностью. 18. Самая крупная из человекообразных обезьян. 22. Поперечные нити ткани — в отличие от продольных, составляющих ее основу. 23. Кормовая трава.

РЕБУС-
Поговорка

В этом ребусе скрыта поговорка. Поговорка очень нужная и правильная.

Проверь себя

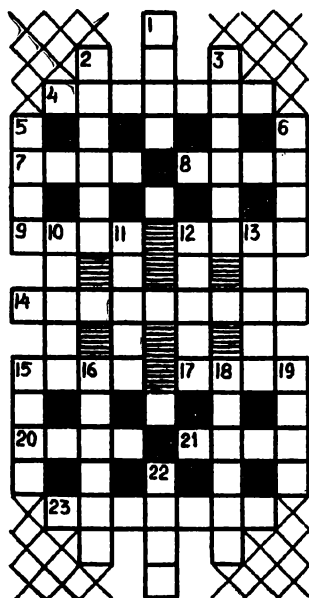
[Ответы к «Искорке» № 3]

КРОССВОРД

По горизонтали. 5. Жабо. 6. Изюм.
7. Нрав. 8. Флюс. 9. Енот. 10. Бура-
тино. 11. Аванпост. 12. Фото.
14. Ажур. 16. Рейн. 17. Маки. 18. Икар.
По вертикали. 1. Балл. 2. Консерва-
тория. 3. Нивелирование. 4. Бюро.
13. Овал. 15. Уран.

СОСТАВЬ САМ

Решение смотри на рисунке.

Остальные ответы к «Искорке»
№ 3 см. в № 5.

Содержание

Светлый день. Стихотворение В. Крутецкого	1
Революции навстречу. Очерк Эд. Аренина	2
Песенка дрозда. Стихотворение Николая Мазняка	9
Здравствуй, солнце! Стихотворение Сергея Скаченкова	10
Первые дни свободы. Рассказ В. Раевского	11
Как мы клятву давали. Рассказ Л. Яблочковой	19
Петровы. Очерк Льва Хахалина	21
Наш щенок. Стихотворение Саши Лебедевой	30
Качалка. Внутри и снаружи. Кто прав? Стихи Олега Григорьева	31
Вампум Оцеолы. Продолжение повести Лизелотты Вельскопф-Генрих	32
Ум хорошо, а два лучше. Ученые — свет, а неученье — тьма. Назвался груздем — полезай в кузов. Путаная ворона и куста боится. Стихи В. Лейкина	46
«Горят электричеством луны на выгнутых, тонких стеблях...» Очерк А. Иванова	47
Хитрый бурундук. Рассказ Л. Иванова	52
Портрет. Ловушка для ослов. Сова-юмористка. Сказки Ю. Степанова	58
Самое, самое, самое	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки: «Давно нас ожидают далёкие планеты». Рисунок П. Вискова.

На 2-й странице обложки: «Мы делу Ленина верны». Фото О. Миронца.

На 3-й странице обложки: «Ледоход». Фото М. Дмитриева.

На 4-й странице обложки: «Весенняя мелодия». Рисунок Г. Ясинского.

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель И. И. ТРОФИМКИН

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, А. М. Млодик, В. Н. Суслов

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55.

Сдано в набор 24/III 1975 г. Подписано к печати 9/IV 1975 г. 4 п. л.
М-26134. Зак. № 65. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 60 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского, Ленмздата.
Ленинград, Фонтанка, 57.

